



8 (650) август, 2011

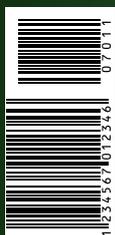


Крокоитовый шурф

Мамонты из реки Тобол.
Подарок дайверов

Экология реки.
Моющие средства в походе

Когда был рай на Урале.
Бронзовый век





- сплав по реке Белой (Агидель)
- агротуризм
- конно-верховой тур
- туры выходного дня
- корпоративный отдых
- экскурсии в пещеру Капова (Шульганташ) и в самые красивые уголки нашего района

✓
Есть компания, но нет желания организовывать, звоните.

☺
Не с кем выехать на природу, нет своей компании, не огорчайтесь, к нам приезжают только люди адекватные и приятные в общении, обращайтесь.

ООО «Каповатур»

предлагает активный отдых на Южном Урале

Откройте для себя Южный Урал,
узнайте много нового,
живите радостней!

Туры от 3 до 7 дней.

Цена от 3600 до 9600 руб.

Тел.: 8(34755) 3-44-99,
8-937-316-91-44
(Альбина, менеджер)

Сайт: www.kapovatur.ru
e-mail: kapovatur@gmail.com
icq: 430644212



Хотите сделать необычный подарок для семьи, мы будем вам рады.

Встречный ветер



Путешествие по Уралу. Курганская область.
С. КОНДРАШИН
Лед и мамонты..... 4



Экология
И. ИЗМОДЕНОВА
Мы за чистые реки..... 16



Путешествие по Уралу. Башкортостан
В. ОМЕЛЬЧЕНКО
Велосипедное путешествие через Южный Урал..... 10

Камни Урала
Е. ШАСТИНА
Крокоитовый шурф..... 20



Река времени



Легенды и были
В. ТРУСОВ
Клад Узеди..... 25



Литературное краеведение
В. МОИСЕЕВ
На Корабельном мысу..... 32

Версия

А. ВАСИЛЬЕВ
Нанотехнологии столышечелетного возраста ... 26



Тропой поиска
Н. ЗАПОРОЖЦЕВА
И бродит дух писателя..... 38



Далекое-близкое
А. ЯЛОВЕНКО
Последнее слово жандармского капитана..... 44

Журнал в журнале



август 2011

Главный редактор – М. Ю. Фирсов.

Редакторы разделов – Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго

Литературный консультант – В. Абоян.

Худ. редактор, верстка – Е.С. Горда.

Набор – В.М. Кадочникова.

Корректор – Л.В. Юсупова.

Интернет – Е. Марков.

Фото 1 полосы обложки – М. Фирсов

Редакция, издатель – общественная организация «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт»

Редакционный совет –

Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Борис Стругацкий, Геннадий Прашкевич, Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –

- Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников России,
- Семен Спектор, заслуженный врач России,
- Виктор Байдуков, Свердловское отделение РГО
- Виктор Христолюбский, Председатель Курганского ро РГО
- Алексей Прокашев, Председатель Кировского ро РГО
- Иван Рысин, Председатель Удмуртского ро РГО
- Игорь Кузнецов, Председатель Ученого Совета ро РГО в ЯНАО
- Сергей Ларин, Председатель Томского ро РГО
- Николай Назаров, Председатель Пермского ро РГО

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620014, г. Екатеринбург, а/я 479

тел. (343)295-61-27

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по РФ

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218, выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28–30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, CD, DVD). Автор несет ответственность за предоставление материалов и иллюстраций, обремененных правами третьих лиц.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» и отмеченные знаком **УС** публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:

– Почтовые отделения Свердловской области, каталог МАП, подписной индекс 31646

– Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413

– Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе

– Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России

– Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья



Сергей Кондрашин
Фото предоставлены автором

Лед и мамонты



Путешествие по Уралу
КУРГАНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Встречный ветер



Подготовка к экспедиции началась, как обычно, за год — со времени предыдущей поездки. На этот раз уж точно не должны забыть копченое сало и запасные ножи для коловорота, дополнительные термосы с кипятком и огромные мешки для артефактов...

Прогнозы погоды не отличаются постоянством, но завидным сговором — все обещают мороз за 20 с ветром. Быть или не быть — нырять или не нырять — вопрос давно не встает. Чем хуже — тем лучше. В этом смысле река обычно делает много царских подарков. Повезет ли в этот раз — уже не вопрос — когда раз в году вместе собираются столько удачливых людей, результат удивительно предсказуем. Уже традиционная команда приехала из Нижнего Тагила, Екатеринбурга, Кургана и Ноябрьска.

Что по-хорошему хотелось бы на этот раз поднять со дна? Конечно же, в первую очередь верхнюю часть черепа мамонта (лет 10 назад кто-то из купающихся, похоже, его видел в реке — большой камень на дне с двумя глазницами. Нижнюю часть его черепа мы уже подняли). Предел мечтаний всех палеонтологов — череп пещерного льва. И на суше это большая редкость. Под водой пока удалось найти лишь его берцовую кость. Палеонтологи уверяют — на дне должны быть окаменевшие позвонки кита. Со времен древнего океана Тетис нам пока удалось под-

нять окаменевшие зубы акул. Но это уже было, а что будет и на чем душа успокоится — вечный вопрос. И, конечно же, отыскать, отрыть, отдолбить череп гипариона. В древности в этих краях водилась дивная лошадь. Может, найти это все и жизни не хватит, но пометчать, ныряя в таком уникальном месте, всегда приятно.

В январе самый крепкий лед. Он пилится с особым хрустом и высоким звоном.

Делаем по майне на каждого участника. Выбор места под майну — отдельная песня. Традиции здесь такие же прочные, как и железобетонный январский лед. Каждый участник определяет месторасположение майны сам. И чем руководствуется — никому не скажет. По-видимому, каждый раз основательно копошишься в закоулках своей души в надежде отыскать еще что-то новое. Ощущения — роскошные!

Наверно, самые запоминающиеся моменты — сам поиск. Здесь просто пахнет мамонтами, бизонами, носорогами и прочей отошедшей живностью.

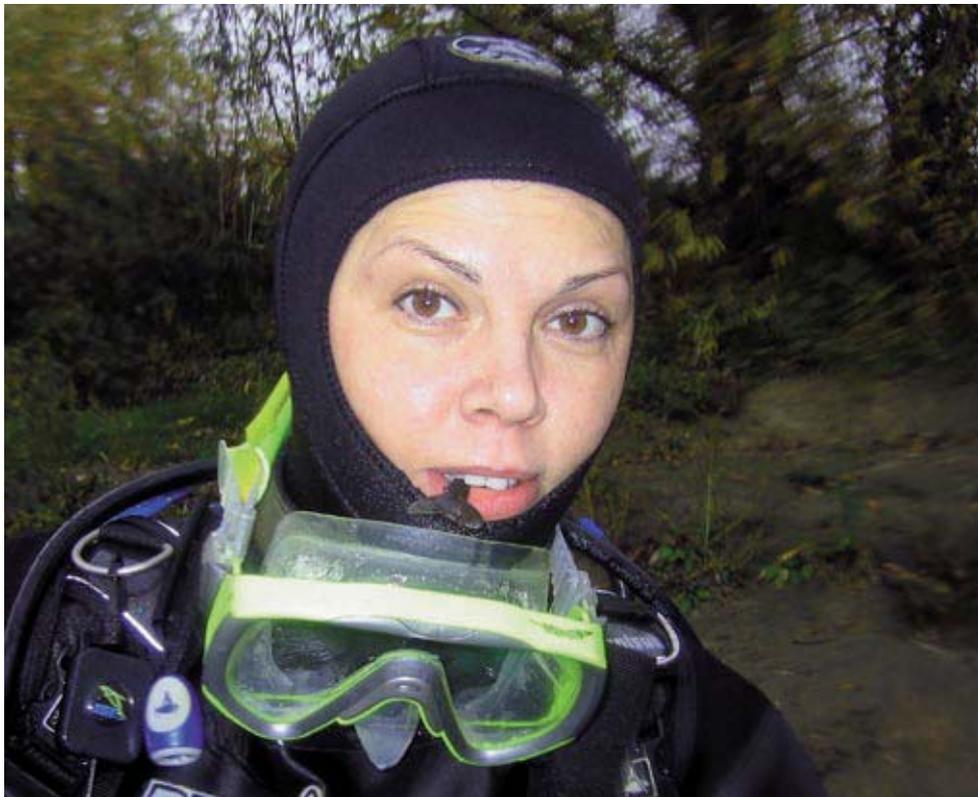
И порой странная цепочка случайностей приводит к пониманию того, удачливый ты или нет. С этой молвой живешь и к ней привыкаешь. Каждый раз убеждаюсь — фартовые поисковики, они и мыслят по-другому, и смотрят на мир другими глазами, и поднимают чаще.

В первый день экспедиции традиционно пилим майны. По числу участников. Получилось 10. Каждая получает свое имя и, наверное, судьбу. Получились — от Стаса, Петровича, Дмитрия, Сергея, Сергея П., Татьяны, Екатерины, Павла, Юрия и Марата.

Какая будет самая удачливая, не знает никто.

У каждого поисковика своя команда. Здесь традиционно ныряют только по одному и рассчитывают только на себя. Только ты сам выбираешь себе страхующего, которому абсолютно доверяешь, только ты сам привязываешь страховочную веревку к ледобуру, только ты сам обвязываешь себя булинем,





Река — живой организм. Она всегда неохотно отдает находки, в свою очередь забирая что-то в ответ: ласту, фонарик, нож. Или затапливает оборудование, или срывает его, или...

только ты сам принимаешь решение нырять или не нырять и когда заканчивать дайв, только ты определяешь сигналы, которыми именно здесь тебе удобнее пользоваться. Такие здесь сложились неписанные традиции.

У меня такой надежный страхующий — Татьяна Зырянова, и низкий ей поклон.

Зимняя нырялка на речке не отличается высокими эмоциями. Небольшая видимость, осязаемое течение, которое постоянно сносит вниз, мало заметная снизу майна, небольшая глубина 2-2,5 м, редкие рыбе ш-

ки, коряги да бревна. Но есть здесь что-то такое, что притягивает нас за тридевять земель, чего больше нет на территории Европы. Это уникальное скопление костей животных, давно вымерших, с окаменелостями водоплавающих, еще раньше исчезнувших. И когда перед глазами открываются артефакты в возрасте от 10 000 лет, сначала невозможно поверить, потом хочется проверить. Это вода в речке бежит, а человек не меняется. И, раз попав в такое место, можно столько в себе нового открыть (бойтесь своих желаний — они приводят к новым путешествиям!).





Наверно, самые запоминающиеся моменты — сам поиск. Здесь просто пахнет мамонтами, бизонами, носорогами и прочей отошедшей живностью. С чем можно сравнить эти ощущения и эмоции? Вы когда-нибудь слышали волшебный звук цветного металла в наушниках металлоискателя, вы ощущали, как на глазах течет при этом вкусная слюна? Очень похоже.

Сначала и неожиданно видишь на дне какие-то очертания, затем возникают интересные предчувствия того-то, а потом возникает и сам артефакт. Но когда встречаешь вообще что-то, чего не ожидаешь, — это запоминается.

Река — живой организм. Она всегда неохотно отдает находки,







в свою очередь забирая что-то в ответ: ласту, фонарик, нож. Или затапливает оборудование, или срыгает его, или... Это нормально, это фатально, это неизбежно. К этому надо быть готовым.

Традиционно все уникальные находки совершаются здесь на 70-й минуте погружения. С чем связана эта счастливая закономерность — можно только предполагать. И уже никто специально не ждет этой минуты — все происходит как-то само собой.

Но ведь же происходит!

Приехали на речку. -24°C. Ветра нет. По местным понятиям тепло. Начинаем погружение.

Холодно. Мысли мерзнут. Смотрю на комп, еще вижу цифры, но уже не очень понимаю. Дошел до ручки! Все, не поднять. Пора всплывать! Но азарт не сдается. Может, еще сделать кружок вокруг майны, может, еще что не заметил? Азарт и трезвый расчет — вот вечные соперники. А ты только их арбитр. И так каждый раз. И после этого убеждаешься — что себе давно не принадлежишь, но это откровение приходит не сразу. Серьезный дайвинг по сути дает возможность себя понять, а уже через это и все окружающее. А мороз и холодная вода как катализатор самопознания. А еще где-то дает о себе знать инстинкт самосохранения.

Те немногие участники, кто прибыл сюда нырять и страховать,

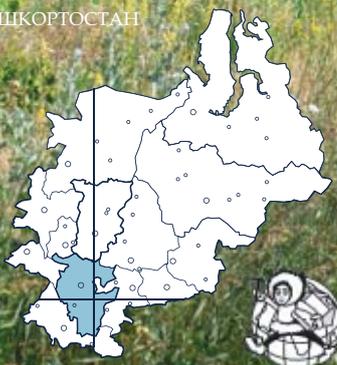
Традиционно все уникальные находки совершаются здесь на 70-й минуте погружения. С чем связана эта счастливая закономерность — можно только предполагать.

обычно не замечают мороза, просто некогда. Постоянное перетаскивание снаряжения, пиление майн, расчистка снега — и незаметно световой день сменяется роскошным малиновым закатом. Занимаясь любимым делом, мерзнуть некогда. Другое дело — многочисленные знакомые, а также их знакомые. Одеты — кто во что, обуты — слов нет, поэтому они первые жертвы мороза. Все стадии гипотермии, хорошо известные по куру ice diving, здесь можно увидеть: нервное потряхивание и непрерывная дрожь, махи руками и ногами в попытках согреться, безуспешный поиск спиртного и, наконец, окончательная гипотермия — когда друзья ведут под руки замерзшего в направлении цивилизации. И каждый раз это повторяется, и медленно наступает понимание того, что человек неныряющий не меняется и в своей сути не становится лучше или расчетливее к морозу. Здесь одна суровая зима сменяет другую лютую зиму, а случайные зеваки как мерзли, так и продолжают мерзнуть.

После каждого дня, проведенного на речке, вечером следует баня. Здесь принято обсуждать только находки: прошлые, настоящие и будущие. И ничего более. Дух реальных приключений стоит в воздухе, как пар в парильной. Поэтому так высоко ценишь эти выезды. И, уж раз попав сюда, стремишься снова. **УС**

Велосипедное путешествие через Южный Урал. Белорецк.

Путешествие по Уралу
БАШКОРТОСТАН



Встречный ветер



Валерий Омельченко

Фото из архива «Уральского Следопыта»

Выкатившись на асфальт, мы продолжили путь. Несмотря на невысокую температуру (+19), припаривало и было немного душновато. Шел шестой день нашего путешествия.

Последний перевал

Менее чем за час по слабо пересеченной местности и отличной дороге мы доколесили до села Серменево. На выезде из села, которое находится в неглубокой западине, наша дорога примкнула к трассе Уфа-Магнитогорск. Автомобилей значительно прибавилось. Но это было полбеды. Ветер изменил направление и теперь дул с северо-востока как раз против нашего движения. Причем достаточно сильный. Даже на спусках приходилось подкручивать педали, так как наши тела являлись теперь мощным сопротивлением нашему же движению. Как говорится: «Ветер в харю, а я шпарю», или что-то вроде того. Пробороздив так нижние слои атмосферы около 10 километров, мы остановились перекусить недалеко от баннера, изображающего городскую черту Белорета (Белорецка — по-нашему).

Через пару километров с правой стороны уже на въезде в город распложен полигон для мотокросса, на котором в то время как раз проходила тренировка. Засмотревшись на летающих мотоциклистов, я нечаянно подрезал Дениса Валерьевича, и он, к счастью удачно, свалился с велосипеда. К слову, этот день почему-то был для Дениса богат на падения. Но все обошлось благополучно. Некоторое время мы провели за наблюдением этого зрелищного и экстремального вида спорта, ведь не часто увидишь мотокросс.

Надо сказать, что объездной дороги в Белорецке нет, и весь транспорт идет через город. Вроде бы и город небольшой, но вонь от выхлопных газов и толчея, как в каком-то промышленном мегаполисе. Ориентируясь по дорожным указателям, мы то по тротуарам, то по проезжей части аккуратно доехали до железнодорожного переезда где-то в районе географического центра города. Было уже полтретьего после полудни и тридцать с небольшим километров проделанного пути. Там в кафе решили перекусить и прикупили еще хлеба и сырого картофеля, чтобы вечером супа наварить. Далее по указателям долго выбирались из этого тяжелого уличного трафика на простор, а выбравшись, двинулись по направлению к городу Учалы.

Впереди нас ожидал затяжной трехкилометровый подъем, который почти весь мы преодолевали спешившись. Наверху для нас неожиданно оказался родник с удобным подъемом в виде рукава от трассы. День стоял жаркий. Запасы воды, которые

у нас были, почти иссякли, а остатки уже нагрелись. Поэтому этот родник оказался как нельзя кстати. Далее были несколько спусков и подъемов на кряжи, из которых состоял последний на нашем маршруте горный хребет. На самом деле перепад высот был небольшим. На подъемах мы не поднимались выше 800 метров, на спусках не снижались ниже 600. Дорога была отличной. И самый молодой и отчаянный наш участник Алексей, несколько рискуя, разогнался на спусках порой до 65 км/ч. Мы с Денисом тоже временами входили в кураж и рискованно разогнались. Наконец, чередой подъемов и спусков закончилась и начался длинный пологий спуск до перекрестка в село Казаккулово. После развилки ребята поехали чуть быстрее в предвкушении скорого окончания очередного этапа нашего маршрута, а я остановился на выезде из деревни, чтобы оглянуться назад и еще раз полюбоваться видом на горы Южного Урала.

Дорога была отличной. И самый молодой и отчаянный наш участник Алексей, несколько рискуя, разогнался на спусках порой до 65 км/ч.

Дабы попасть к месту нашей планируемой ночевки на озере Узункуль, через пару километров нам надо было сворачивать с трассы вправо. Как обычно, детальное изображение проселочных дорог на картах оставляет желать лучшего. В «километровке», которая используется в этом очерке, обозначения на местности конца 70-х — начала 80-х годов. В «двухкилометровке», которая была с нами в экспедиции вместе с «километровкой», обозначения местности конца 80-х. По обозначениям подъездов к озеру они сильно отличались. Парни понадеялись на меня, как на обер-штурмана, а мне пришлось надеяться на опыт и интуицию, которая немного подвела. Вначале свернули правильно. Проехав метров шестьсот, надо было сворачивать еще правее и углубляться в лес по еле проложенной автомобилями колее. Однако же я выбрал более наезженную грунтовку. Остановился, снимал на видеокамеру природу и приближающихся парней. Потом они двинулись дальше, а я за ними. Через где-то полкилометра я осознал, что движение наше не укладывается ни в одно из описаний местности на карте. А парни уже заехали за очередной бугор. Добро, что связь здесь была. По мобильнику лидеры гонки были быстро повернуты на 180 градусов.

Ровно к восьми часам вечера мы прибыли на берег озера.

Была пятница. Ожидался большой наплыв отдыхающих из того же Белорета. Однако же, на удивление, во всей березовой роще, кроме нас, был разбит еще только один лагерь, где остановились на уикенд две или три семьи с детьми.

За шестой день в общей сложности мы проехали около 68 километров. Немного подустали, учитывая ночной недосып, встречный ветер и спертое дыхание славного града Белорецка. По уже неформально установленному обычаю Денис и Алексей начали устанавливать палатку, а я начал собирать дрова и разводить костер, чтобы готовить ужин.

Установили палатку, развели костер, поставили кипятиться воду в котелке, почистили картошку и пошли к озеру ее помыть, а также сами освежиться. С нашей стороны озеро было мелковатое и по берегам немного заросшее рогозом и камышом. Сполоснули себя, кое-какую одежду и пошли к лагерю готовить суп. А супец обещал быть необычным. Во-первых, со свежей картошкой, во-вторых, с кусочками сушеного мяса, которое приговорила в духовке матушка моей супруги и которое благополучно перенесло шестидневную жару. Варили суп, рубили дрова. Ели, пили чай после славного ужина, благо, запасы воды мы сделали приличные. Долго беседовали на сон грядущий. И утомонились лишь в первом часу.

Выспались неплохо. Встали почти в восемь. Почаевничали, медленно собирались. Денис решил снимать на камеру выезд со стоянки.

Место для отдыха хорошее там было. Жаль, что все путешествие у нас было рассчитано по дням, а то бы можно было остаться на этом озере и подольше. Как потом выяснилось, по нашей стороне озера в 2,5 км к югу от нашей стоянки находилась некая археологическая достопримечательность — стоянка «Мурат» эпохи неолита. Для тех, кто интересуется, известный архео-



логический памятник Южного Урала Аркаим является более поздним поселением эпохи бронзы.

Уже не горы, но еще не степь

Покинули мы насиженное место в 10.20. К этому времени воздух прогрелся уже до +23 градусов. Ветер продолжал быть встречным,



но не таким сильным, и не парусил нас, как вчера утром. Трасса до города Учалы незагруженная, спокойная. Дорога хорошая. Ландшафты почти как из ковбойских вестернов. Слева по движению на западе тянулись хребты Уральских гор, справа отдельными холмами вставали отроги, а дальше тянулись прерии.

Наши отдохнувшие кони неслись, рассекая знойный воздух. Несмотря на остановки для видео- и фотосъемок, средняя скорость движения была не менее 10 км/ч. К половине

второго дня, проделав почти 30 километров, мы остановились перекусить в небольшом придорожном салуне поселка Уральск. Обедали мы всегда немного, чтобы не тяжело было продолжать путь. Кстати, пищевые потребности у каждого индивидуальны. Кто-то брал только первое блюдо, а кто-то — только второе. Неизменным же заповином у нас служили кефир, бифидок, питьевой фруктовый йогурт. Это блаженство, скажу я вам, после нескольких десятков километров езды по жаре +33 градуса в тени хлопбытнуть пакет прохладного кисломолочного продукта.

Переварив поглощенные продукты в течение непродолжительного отдыха и пополнив запасы воды, мы продолжили путь по прериям. Местами взору открывались выгоревшие склоны нескольких холмов подряд. Видно, что здесь, как и в Центральной России, бушевали пожары. Да и продавец из Уральска рассказывала, что выгорели несколько деревень.

Теперь наш путь пролегал уже по азиатской части России, ибо, не доезжая нескольких километров до Уральска, мы пересекли мост через реку Урал. Река там неширокая — 3–5 метров. Но именно по ней в тех местах проходит условная линия, делящая материк Евразию на две части.

Подъемов и спусков становилось все меньше. Ландшафт высушенных степей особо не радовал глаз. Вода пилаась в больших количествах, и ее запасы катастрофически таяли с каждым километром. Лесопосадок вдоль дорог почти не было. Те, что попадались, были далековато от обочины и тени не давали. Через два часа езды в духовке мы добрались до окраины



села Уразово. Ехали по дороге, высматривали водоколонки по обе стороны. Гуси в грязюке сидели, а колонок не видно было. Уже на выезде стоял продуктовый ларек. Мы остановились, чтоб подкупить хлеба и других продуктов, и продавец нам объяснила, где ближайшая колонка.

Тема воды, так часто затрагиваемая в этом очерке, на самом деле очень актуальна в подобных путешествиях. При физической нагрузке организм быстро теряет воду. Поэтому, хоть мы и не бушмены, но места водопоя для нас имели в то время первостепенное значение, а вода из скважины казалась вкуснейшим на свете питьем.

Напившись, умывшись, пополнив в который раз уже запасы воды и немного отдохнув, мы уверенно погнали дальше. Было только половина пятого после полудни. У меня была затея стать на ночевку на озере Калкан у подножия одноименной горы. От Уразово до того озера было почти 25 километров, и находилось оно в стороне от трассы, где-то в 10–12 километрах. Денис Валерьевич предлагал не надрываться, а стать на ночлег заранее у водохранилища на реке Урал, которое было по ходу нашего движения километров через 5–6. В принципе такой вариант был приемлем.

Когда мы подъехали к дамбе, то обнаружили, что там нет подходящего места, чтобы разбить лагерь. Переехали по дамбе на другую сто-

рону водохранилища. Его берег был занят отдыхающими, ведь тот день был субботой. Примоститься особо было негде. Мы потихоньку катились вдоль бережка, присматривая подходящее место. Но таких мест не наблюдалось. Либо люди, либо отсутствие дров, либо отсутствие рекреации для купания. От избытка солнечной радиации внутри меня начинало появляться непонятное раздражение. Мне было непонятно, почему, имея запас времени, нельзя двигаться дальше и ночевать на Калкане. Тем более что еще дома по навигатору Google-мар интернет-сети я видел и фотографии ландшафтов у горы и у озера, и состояние подъездных путей.

Так мы проехали почти весь западный берег, нет, не реки Иордан, а местного водохранилища. За это время непонимание между мной и Денисом, видимо, только увеличилось. И когда, немного выехав вперед и остановившись у очередного незанятого людьми места, я предложил его как последний вариант, Денис предложил ехать в город Учалы и ночевать в гостинице. В тот момент мне стало жаль потраченного времени на кручение педалей вокруг водохранилища, я психанул и молча сам поехал в сторону Калкана, ориентируясь по карте. Парни развернули рули и поехали к дамбе, чтобы выехать на трассу. Это было последнее и самое серьезное расхождение мнений в нашей экспедиции.

На возвышении при выезде из села Юлдашево я осмотрелся. Гора Калкан хорошо просматривалась. Более того, через несколько сотен метров проселочная дорога уходила вправо от асфальтированной, по которой я двигался. Смущало только, что грунтовка была сыроватой от прошедшего недавно сильного дождя. До нужного мне места оставалось менее 10 километров. Моя гордыня к тому времени немного улеглась. Взвесив ситуацию, а особенно перспективу бесславного конца экспедиции, решил двигаться на пересечение с трассой. Ориентируясь по карте, прикинул, что на нужном мне пересечении окажусь раньше упомянутых Дэна и Алекса — на тот момент недостаточно активных, а в сущности, хороших парней. Так оно и получилось.

На перекресте возле закрытого поста ДПС стояла машина с какими-то парнями. Денис и Алексей узнали у них, что гостиница в Учалах есть, но проживание там обойдется в копеечку, и с велосипедами нас туда вряд ли пустят. Вопрос, зачем тогда нужны гостиницы?

Мы двинулись дальше. Через 2–3 километра был поворот вправо на берег озера Большие Учалы. Из слов дачницы, с которой мы разговаривали, поняли, что на берегу озера битком набито людей, берег сам уже порядком загажен и отдохнуть как следует там никак не получится. Оставался последний вариант — про-





двинуться на несколько километров дальше, свернуть на восточный берег озера Ургун, к тому месту, где на карте обозначен дом отдыха. Такой вариант поддержали все.

По пути через окраины Учалов, пополняя емкости возле водоклонки, мы у местного доброго дяди, который пододвинул свои бидоны и уступил нам место возле водопоя, еще раз уточнили проезд к месту нашей будущей дислокации.

Двигаясь по неширокой асфальтированной дороге, которая проходила метрах в 150–200 от берега через большой березовый лесопарк, мы присматривали место. Все порядком устали, поэтому не хотели далеко отдалиться от трассы. И не отдалились. Менее чем через километр свернули к берегу. Берег был, можно сказать, безлюден. Это настораживало. Везде в субботний вечер была уйма народа. Как потом выяснилось, в этом месте озеро было чрезвычайно мелкое. Этот фактор явно и ограничивал сюда приток отдыхающих.

День был трудным и физически, и морально. Намотали мы в тот день 79 километров по жаре. Было почти половина девятого вечера. Надо отдать должное, все справились с ситуацией достойно — ни разу не переходили на личности. Уважаю такую компанию.

Солнце опускалось к горизонту. Его лучи переливались в глади озера

мелкой искрящейся рябью. Не теряя времени, мы быстро разбили лагерь и по очереди пошли освежиться. Доступ к воде оказался не так прост. От кромки воды наш лагерь отделяло не более 60 метров. Где-то посередине метров 20–25 шириной шла полоса из кочек осоки, между которыми были приличные углубления, заполненные влагой. Потом еще пришлось пройти почти сотню метров, чтобы вода дошла до колен. Такое вот интересное и немного неудобное место. Но для ночевки оно нас устраивало. В тот вечер я опять чувствовал разбитость и попросил Алексея быть дежурным по кухне. Хочу отметить, что Алексей трудолюбив чрезвычайно, не чурается никакой работы. Более того, он после Каги решил до конца экспедиции быть трезвенником. Ну, а мы с Денисом никаких обетов не давали, поэтому в тот вечер позволили себе немного расслабиться и произнести тост за взаимопонимание. Та ночь была тиха и тепла. Все были довольны и счастливы.

Чуть помедленнее, парни! Чуть помедленнее...

Утренний чай и сборы прошли в штатном режиме, не считая, что мир дикой природы совершенно справедливо посчитал нас своей частью и решил отложить на нашей палатке свои яйца. Очень такая беззастенчивая самочка попалась одного

из видов многочисленного семейства шелкопрядов. Мы прониклись ее стараниями, но, учитывая, что после того, как из яиц вылупятся личинки, им будет нечего жрать, прервали этот круг жизни. Ace Ventura нас бы не понял и выступил бы в защиту диких животных.

Выехали мы в десять утра. Еще вчера, когда двигались по трассе, удивлялись дорожным указателям и километровым столбам — расстояние до Миасса разнилось очень сильно. Сверившись по атласу, прикинули, что оно приблизительно составляет около 100 километров плюс минус десяток. Чтобы ночью не въезжать в город и сильно не надрываться, решили не проезжать в этот день более 70 км и заночевать перед выездом на федеральную трассу Москва-Владивосток. Погода позволяла, конечно, съехать с асфальта и углубиться в восточные предгорья. Там можно было посетить несколько интересных озер и небольших гор. Это заняло бы пару дней. Но, видя настрой остальных участников двигаться к финишу по прямой, я не стал вслух предлагать велокросс по грунтовым дорогам и пересеченной местности.

Дорожное покрытие было замечательное и позволяло набрать хороший темп. Через 21,5 км в 11.40 нас нагнал бойкий дедушка на шоссейном вело и прижал к обочине. Остановились, разговорились. Владимиру Токареву

без малого 60 лет. Живет в Миассе. Рассказал, что занимается кроссом и велоспортом. Сейчас едет из Магнитогорска в Миасс. За один световой день планирует преодолеть 237 км. Как и в случае с французом, я почувствовал, насколько я жалок. Надо сказать, что велосипед и покрышки у дедушки приспособлены именно для шоссе. А еще у него были памперсы. Но не для того, чтобы прямо во время езды в них ходить по нужде. В дороге от велосипедного седла мягкое место превращается в твердый моzoлистый и болезненный орган. Так вот эти специальные трусики как раз служат для того, чтобы этого не происходило. К этому стоит добавить, что ехал он исключительно по дорогам с хорошим асфальтовым покрытием. И все же! Значительная часть мужчин его возраста в основном передвигаются от дивана до сортира, а тут — 237 км за один день!

Владимир предложил сделать привал для ланча, но мы сослались на то, что недавно выехали и еще не проголодались. Не успели тронуться и заехать за первый бугор, как у меня рвется цепь. Пермская сборка дала о себе знать. Я был к этому готов. Мы остановились, я достал инструменты и запчасти, которые таскал с собой всю дорогу, и вдвоем с Алексеем мы минут за десять устранили неисправность.

— Что-то вы совсем немного проехали! — подшутил Владимир, проезжая мимо нас.

— Да вот, цепь порвалась.

Двинулись дальше. Неугомонные хлопцы, насмотревшись на супердедушку, снова рванули вперед. Где уж тут наслаждение путешествием и съемкой пейзажей! Тут бы не потерять народ из поля зрения.

Подъемы и спуски в большей части остались позади. Дорога была ровная, кое-где с пологими перепадами. Справа простиралась кое-где поля, а в основном степи. Слева вставали восточные отроги Южного Урала. Поселений было мало. Появилось ощущение необъятности просторов страны. Это вам не какое-нибудь там Монте-Карло!

Темп движения не уменьшали, хотя солнце и ветер иссушали наши носы и горла.

К 4 часам дня слева от дороги возле Устиново — последнего поселения на территории Башкортостана — опять показалось небольшое кафе. Позади было 63 километра. Невдалеке проходила ветка не слишком оживленной железной дороги. Неожиданно на ней появился самодвижущийся

пассажирский вагон и остановился возле перрона. Я навел на него видеокамеру и, увеличив изображение, прочитал — «Городской экспресс». Неплохо для приуральской степи. Сильнее всех хотел финишировать в этот день явно Алексей Иванович. Есть, конечно, смутные домыслы, почему он этого хотел, но я их оставлю при себе. Скажем так, что он просто хотел. В этот день он вез палатку, то бишь на его велосипеде был дополнительный груз. Но пер он напористее нас.

Через пять километров мы въехали в Челябинскую область. Уральские горные хребты здесь поворачивали к северо-востоку и опять подходили ближе к дороге. Появились леса. Было воскресенье. Машин под вечер становилось все больше — народ возвращался с дач, ибо завтра рабочий день.

Но этот поток машин был ничтожным по сравнению с тем движением, которое мы увидели на федеральной трассе. Когда едешь в отпуск, то тягостно плестись в общем потоке. Смотреть же на этот поток долго невозможно — начинает болеть и кружиться голова.

Улучив момент, мы перебрались на другую сторону этой автомобильной реки и подъехали к дорожному указателю городской черты города Миасса — конечной цели нашего путешествия.

Прощальная

Объездной дороги в меридианном направлении в городе нет. Вполне приличная, но очень извилистая улица тянется с юга на север к железнодорожному вокзалу много километров. Ориентируясь на жел-

тые указатели направления главной дороги, мы проталкивались по краю улицы в плотном потоке машин к вокзалу. В самый неподходящий момент в моем драндулете опять порвалась цепь в каких-то трех километрах от финиша. Я попытался ее быстро починить, но мне это не удавалось. Наконец-то примерно через час я кое-как справился с поломкой.

В щадящем режиме, не переключая скоростей, я докатил до вокзала. Парни уже разобрали велосипеды и ждали меня. Если бы не поломка, то к этому времени, а было уже 9 часов вечера, мы уже тряслись бы в поезде.

Называя велосипед нехорошими словами, я быстренько разобрал его и компактно связал скотчем и веревками так же, как и парни, в одно целое. Потом мы почти без проблем купили билеты: Алексей в Курган, он там проводил дальнейший отпуск, а мы в обратном направлении. Было даже время немного перекусить и перевести дух. В этот день, 18 июля, благодаря невероятной движущей силе в лице Алексея, мы зачем-то проделали 98,5 км.

По честному, не 100, а 98,5!

Так завершилось наше велосипедное путешествие через горы Южного Урала. Весь маршрут занял у нас восемь дней и семь ночей с 11 по 18 июля 2010 года. Общее пройденное расстояние от автобусной остановки в Стерлитамаке до железнодорожного вокзала в Миассе — 464 километра.

Все мы получили огромное удовольствие от этого путешествия и прибавили опыта, который можем использовать в дальнейших экспедициях.

Кто знает, сколько их еще будет впереди. **УС**



СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Мы за чистые реки

Ирина Измоденова

Фотографии из архива «Уральского следопыта»

Встречный ветер

Мы, сотрудники Природного парка «Река Чусовая», не зря решили провести экологическую акцию «Мы за чистые реки». Ее цель — обратить внимание туристов на проблему вредного воздействия моющих средств на все живое. Дело в том, что все моющие средства, в том числе и средства для мытья посуды, которым многие туристы моют посуду в реке, содержат ПАВ — поверхностно-активные вещества, которые прямоком попадают в реки. Они бывают анионные, катионные и неионогенные, наибо-

лее опасные из них первые. Широкое применение синтетических (анионных) ПАВ обуславливает поступление их со сточными водами во многие водоемы, в том числе в источники хозяйственно-питьевого водоснабжения. В настоящее время эти вещества являются одними из самых распространенных химических загрязнителей водоемов. ПАВ поступают в водоемы с бытовыми, промышленными и сельскохозяйственными стоками. Они очень трудно ассимилируются природной средой и крайне отри-

цательно влияют на состояние водоемов. Прежде всего, они придают воде стойкие специфические запахи и привкусы, а некоторые из них могут стабилизировать неприятные запахи, обусловленные присутствием других соединений.

Одним из основных физико-химических свойств ПАВ является высокая пенообразующая способность. Возникновение на поверхности воды слоя пены затрудняет теплообмен водоема с атмосферой, снижает поступление кислорода из воздуха



в воду, при этом окисление этих веществ само по себе требует большое количество растворенного кислорода. Все это замедляет осаждение и разложение взвесей, процессы минерализации органических веществ и тем самым ухудшает процессы самоочищения. Некоторые ПАВ при попадании на поверхность воды образуют нерастворимые пленки, распространяющиеся при достаточной площади в монослой.

Большинство ПАВ токсичны для всей флоры и фауны водоемов. Они

Уральский следопыт, июль 2011

имеют свойство накапливаться в живых организмах, которые в процессе жизни отмирают и загрязняют водоем как экосистему, не говоря уже о том, что в результате этого мы ловим рыбу, которая напичкана вредными химическими соединениями.

Каждый водоем — это сложная экосистема, где обитают живые организмы, растения. Совокупная деятельность их, безусловно, обеспечивает самоочищение воды от загрязнений. Но в результате постоянного поступления загрязняющих веществ эта способность сводится на нет. В результате, мы видим «цветущие» водоемы, неизвестно от чего погибающую рыбу, воду с неприятным цветом и запахом.

Прочтя все это, кто-то может подумать — меня это никак не касается. Это не так. Существует еще один немаловажный момент: ПАВ легко попадают непосредственно в организм человека. Происходит это методично и каждый день при мытье посуды. Особенно чревато этим мытье посуды в холодной воде, например в реке. Оно становится медленным самоубийством. Множество раз различными институтами проводились исследования на предмет смывания моющих средств с посуды при ополаскивании. И всякий раз неутешительные выводы — ПАВ, присутствующие во всех средствах для мытья посуды, очень плохо смываются даже при десятикратном полоскании горячей водой. Все происходит так: они действительно хорошо вытесняют грязь, но сами при этом садятся на чистую поверхность. И содрать оттуда их очень сложно. Шокирующий факт — эксперименты по удалению этих веществ с посуды показали, что только хромовой смесью либо прокаливанием в пламени горелки удается избавиться от ПАВ. Естественно эти способы никогда не получат какого-либо распространения в быту.

Между тем, следует помнить, что вещества, входящие в состав моющих средств, накапливаются почти во всех органах человека, вызывая впоследствии аллергии, гиперто-





ПАВ легко попадают непосредственно в организм человека. Происходит это методично и каждый день при мытье посуды. Особенно чревато этим мытье посуды в холодной воде, например в реке. Оно становится медленным самоубийством.

нии, снижение иммунитета, становясь причиной злокачественной опухоли, а также ряда других заболеваний.

Нам остается только искать выход из положения. Если дома — использование посудомоечной машины или

мыть и ополаскивать посуду горячей водой, а на природе — более бюджетный способ — использование в качестве моющего средства давно и незаслуженно забытую соду (некоторые хозяйки и дома используют их для мытья посуды). Имея мягкие абразивные свойства, она великолепно отмывает грязь с посуды, а главное — легко смывается с ее поверхности. Зола, песок или горчица также могут использоваться на реке. Это ничуть не портит состояние воды в водоеме, а также является безвредным для всего живого.

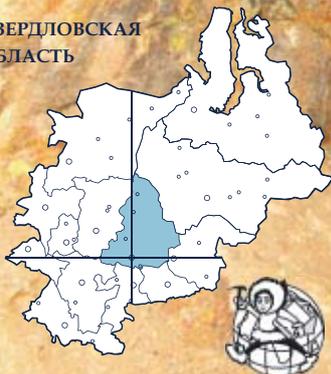
Именно поэтому мы и решили, что акция «Мы за чистые берега» будет интересна в первую очередь любителям активного отдыха. **УС**



Екатерина Шастина

студентка 5-го курса Уральского Государственного Горного Университета (УГГУ), кафедра минералогии

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ



Крокоитовый шурф



Весной 2011 года научно-популярным сборником В. Н. Авдонины завершилась серия очерков об известных уральских минералах, опубликованных в «Уральском следопыте» под рубрикой «Камни Урала». Совместно с Центром Камня журнал «Уральский следопыт» начинает новую серию очерков, рассказывающих о месторождениях уральских минералов, добываемых открытым или шахтным способом. Подробное описание представленных в рубрике объектов и минералов будет способствовать рождению на Урале цивилизованного геологического туризма.

Березовское месторождение расположено на Среднем Урале, в Свердловской области, в 12 км на северо-восток от Екатеринбурга. Любой желающий может сам побывать на родине золота. Добраться туда можно на городском автобусе от автостанции, расположенной на углу улиц Восточная и Ленина. Ехать до остановки Кирова. Рядом расположен небольшой, но очень интересный музей, где можно посмотреть образцы добываемых в Березовском минералов. Месторождение разрабатывается **Березовским рудником**. В настоящее время отработка ведется только подземным способом на шахтах Южная и Северная, добычные работы ведутся на глубине



Для жителей Урала не секрет, что на их территории расположено уникальное месторождение. Речь идет о Березовском месторождении. Не только население нашей необъятной страны, но и люди за рубежом неоднократно слышали про находки золотых самородков на Урале.

В России принято считать началом золотодобычи 21 мая (1 июня) 1745 г., когда Ерофей Марков, нашедший золото на Урале, объявил о своем открытии в Канцелярии Главного правления заводов в Екатеринбурге. Ну а уже с 1747 года впервые в России начата промышленная добыча золота. Березовские рудники разрабатывались с 1743 по 1873 г. казной, а с 1874 по 1918 г. арендаторами, и дали за это время большие объемы добычи золота, среднее содержание по периодам работ за прошлые годы колебалось от 12 до 22,2 грамм на тонну, на данный период около 2-3 граммов на тонну, в общем Березовский дал 22718 кг химически чистого золота на сумму 29379000 руб. — цифры, конечно, внушительные, но на деле часто бывает так, что не всегда хватает средств на новое оборудование и технику. Золото здесь встречается преимущественно в красивых жилах, ассоциирует с кварцем, пиритом, халькопиритом, в таких жилах золото распределяется неравномерно в виде тонкой дисперсной вкрапленности. Обогащение вкрапленного золота производят методом флотации. Самородное золото имеется как в зоне окисления, так и глубже, зоны окисления продолжают до глубины 80–85 м. Уникальные образцы самородного золота представляют собой большую ценность и требуют особого внимания. Руководство Березовского рудника старается сохранить некоторые образцы в первоначальном виде (не переплавляют) и организует выставки, чтобы все желающие могли увидеть уральские сокровища.

Известность месторождения определяется не только добыванием на нем золота, но и тем, что оно продолжительное время является богатейшим источником редких по красоте коллекционных образцов. Его уникальность еще в том, что именно здесь были описаны и получили названия горные породы лиственит и березит. На Березовском месторождении были открыты новые минералы, некоторые из них это — айкинит, пирофиллит, вокеленит, эйбрейит, крокоит.

Березовское месторождение знаменито также тем, что на нем создан уникальный Геологический памятник природы — Платоновская дайка

с крокоитовым шурфом. Крокоитовый заповедник впервые был организован в 1937 г на горе Успенской для Уральской Экскурсии 17 Международного Геологического Конгресса.

На территории Березовского месторождения крокоит в течение многих лет находили в немалом количестве и в разных шахтах. Изредка он попадался даже в россыпях. Но наиболее богат крокоитом был находившийся в четырех верстах от Березовского завода Преображенский рудник, заложенный в 1797 г. на горе того же названия, и славу ему составили именно прекрасные образцы крокоита вместе с другими, до того еще неизвестными минералами, разошедшиеся по частным коллекциям и крупнейшим музеям страны и мира.

Интерес к крокоиту из Березовских золотых промыслов был всегда высок. Доказательством может быть то, что для международных геологических конгрессов были устроены экскурсии на месторождение, где они могли наблюдать крокоит в естественном залегании. В 1937 г. для этой цели на Успенской горе был восстановлен шурф. Горная выработка в те времена представляла собой своеобразную подземную комнату, потолок и стены которой были покрыты ярко сверкающими в свете ламп кристаллами. Зарубежные посетители как большую ценность увозили отсюда образцы с крокоитом и сопутствующими минералами. Планировалось оставить шурф как минералогический заповедник, но в дальнейшем шурф оказался без присмотра, после чего подвергся естественному разрушению и был разграблен. Даже в настоящее время на минералогических выставках изредка можно встретить образцы крокоита с Березовского месторождения, причем история некоторых, наверняка, носит криминальный характер.

В начале 70-х годов в новой выработке, пройденной поблизости от старой экспедицией «Уралкварцсамоцветы», было добыто несколько тысяч образцов, предназначенных для пополнения коллекций музеев и учебных заведений, лучшая часть была продана за границу. В связи с новым шурфом также обсуждалась мысль об организации своего рода музейной экспозиции крокоита в естественных условиях. Над устьем выработки для защиты от проникновения посторонних лиц была поставлена бетонная коробка. Затем дело опять затормозилось. А в 1992 г. там же была добыта большая партия



Крокоит (англ. **CROCOITE**) — $PbCrO_4$, первый новый минерал, открытый в России на Березовском месторождении, был описан Иоганном Готлиб Леманом. Название крокоит происходит от греческого слова «крокос», что означает «шафран» — оно отражает цвет камня. Можно сказать, что именно с этого минерала началась отечественная минералогия. Тем более, что в образцах березовского крокоита был открыт элемент хром. По словам В. И. Вернадского, крокоит является одним из наиболее ценимых русских минералов. «Золотисто-оранжевые, иногда шафранного цвета, остроконечные, блестящие, просвечивающие по граням кристаллы» — таковы были первые сведения, представленные учеными на заседании Петербургской академии наук.

коллекционного материала, наводнившая рынок коллекционных минералов, и сейчас образцы этого редкого хромата свинца из месторождения.

Не так давно на Березовском месторождении вновь начали разрабатывать крокоитовый шурф, который был заброшен в советские времена. Цвет этого минерала красный — цвет победителя, так и манит к себе людей, возможно, поэтому шурф был разграблен и долгое время не разрабатывался.

Березовский крокоит встречается преимущественно оранжево-красного, оранжевого и красного цветов (хотя на других месторождениях был встречен и желтый крокоит) в виде отдельных кри-

сталлов, друз, сростаний, агрегатов в прожилках и в сростаниях с другими минералами на кварце, галените, березите. Отдельные хорошо образованные кристаллы были обнаружены в глине, заполняющей пустоты в кварце. Облик кристаллов клиновидный или призматически-клиновидный. Самые крупные кристаллы крокоита достигают порой значительных раз-

меров: находили кристаллы длиной 6–7 см при толщине до 2 см.

В Березовском месторождении максимальное количество крокоита наблюдалось на глубине 15–20 м, ниже 40–50 м крокоит исчезает. Образование крокоита происходит в зоне окисления при воздействии растворов, содержащих хром, на свинцовые руды (Болтырев, 1936).

Жила крокоита.
Шахтер
Мартин Иванович
Эвальд ▶



Часто на образцах с шурфа вместе с крокоитом встречается зеленый минерал, иногда он напоминает пленки темно-зеленого цвета, иногда словно пыль. **Вокеленит** (англ. **VAUQUELINITE**) — $Cu^{2+} Pb_2 (CrO_4) (PO_4) (OH)$ — минерал в честь Льюиса Вокелена, профессора химии Парижского университета и первооткрывателя хрома. Вокеленит окрашен в черный цвет, при истирании в порошок становится яблочно-зеленым.

Крокоит достаточно редкий минерал, по всему миру насчитывается не более 10 месторождений. Находки в России на Урале (Березовское месторождение) — размер кристаллов до 6 см, в Австралии на острове Тасмания (Дандас) — именно там были найдены кристаллы длиной до 12 см, в Бразилии (Конгоньяс-ду-Кампо, штат Минас-Жерайс), во Франции (Нонтрон), в Германии (Саксония), в США (Аризона, Калифорния). Полупрозрачные кристаллы крокоита с алмазным блеском являются украшением практически всех музейных и частных коллекций мира, хотя промышленного значения не имеют. Образцы требуют бережного хранения, они очень хрупки, мягки, чувствительны к кислотам, щелочам и свету — теряют насыщенность окраски.

Совместно с крокоитом встречаются англезит, церуссит, вульфенит, пироморфит, ванадинит, миметизит, гетит, линарит, самородное золото.

В образцах с березовским крокоитом были открыты и другие хроматы свинца, среди них вокеленит, названный в честь впервые описавшего этот минерал Л. Н. Вокелена, и найденный в 1832 г. Германом феникохроит.

Интересное открытие произошло в 60-х годах этого столетия. С. Вильямс на материале из Березовского месторождения, хранящемся в частной коллекции в Сан-Франциско (США), в музее Горной школы в Париже и в Британском музее установил новый минерал, назвав его по имени П. Г. Эмбрея — сотрудника Британ-

ского музея — эмбрейитом. Позже в трещине в массивном крокоите из коллекции Музея минералогии Горной школы в Париже Ф. Сесброн с соавторами нашел новый хромат, которому дано название касседаннеит, в честь И. П. Каюседанне — профессора из Рио-де-Жанейро (Бразилия).

Вышеупомянутые минералы являются гордостью Березовского, так как были найдены там впервые. Но не стоит забывать и о других минералах, которые могут быть встречены на Березовском месторождении, Крокоитовом шурфе. Еще ни в каком другом месте не был встречен



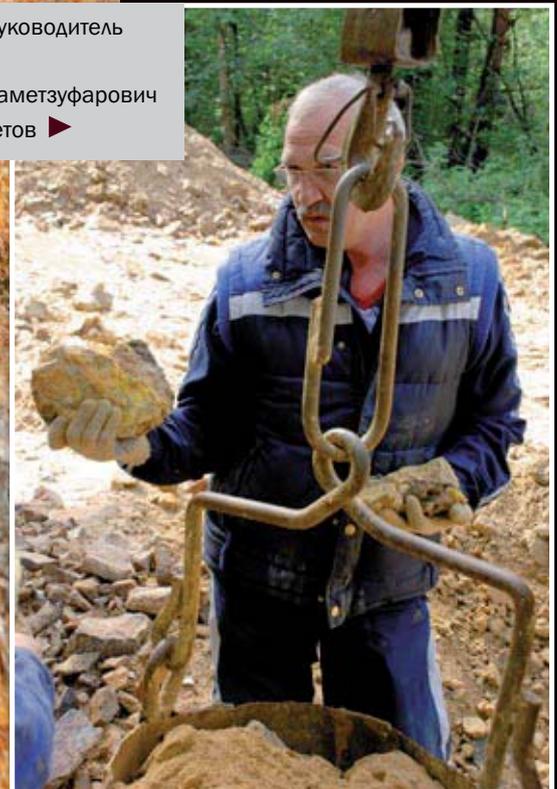
Удивительный по своей красоте минерал **пироморфит** $Pb_5 [C1/(PO_4)_3]$ можно легко спутать с вокеленитом — этот минерал тоже окрашен в оттенки зеленого цвета. Название пироморфит происходит от греч. *πῦρ* — огонь и *μορφή* — форма: сплавленный в шарик пироморфит, охлаждаясь, принимает кристаллическую форму. Кристаллы обычно призматические. Очень часто, в том числе и на Березовском месторождении, встречается в виде корок, натечных и зернистых агрегатов. Образцы с Березовского обычно травянисто-зеленого, грязно-зеленого цветов, но также в природе иногда встречается красный и оранжевый пироморфит — это связано с примесью хрома. Пироморфит — типичный минерал зоны окисления свинцовых и других сульфидных месторождений, это объясняет его нахождение на крокоитовом шурфе.



такой богатый минеральный состав, как на этом месторождении. Можно встретить такие минералы, как пиролюзит, лаксманит, миметизит, вокеленит, церрусит, пироморфит, ледгиллит, линарит, бедантит, феникохроит, лемонит, азурит, малахит. На этом месторождении отмечается более 100 минералов, и кто знает, возможно, в скором будущем будут открыты еще неизвесные миру науки минералы, не так давно вновь началось детальное исследование образцов и самого крокоитового шурфа.

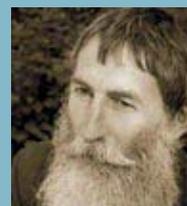
Приятно будут удивлены любители-минералоги, коллекционеры и все желающие узнать что-то новое — в скором времени, а точнее в конце августа текущего года, можно будет лично побывать на Березовском месторождении, опуститься в крокоитовый шурф и воочию увидеть крокоит в естественном залегании. Люди смогут приезжать самостоятельно, им будет проведен инструктаж по мерам безопасности, затем группы по 4-5 человек будут опускаться внутрь шурфа с двумя руководителями экскурсии. То, что создала природа, — это удивительно, ярко-красные переливающиеся щетки кристаллов уж точно не дадут заскучать и замерзнуть в шурфе. На память обязательно захочется увезти в личную коллекцию образец — можно попытаться найти на поверхности или приобрести удивительные экспонаты прямо возле шурфа. **УС**

Научный руководитель проекта
Фират Мухаметзуфарович
Нурмухаметов ▶





СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ



**Владимир
Александрович
Трусов**

автор более 150 статей на исторические, родоведческие и краеведческие темы. Печатался в журналах «Уральский следопыт», «Веси», в альманахах и сборниках. Живет в Первоуральске.

Клад Узеди

Владимир Трусов

Фото предоставлено автором

У Чусовой есть два правых притока: реки Большая Дарья и Трека. В одном месте эти реки около двух километров протекают параллельно в одном направлении, буквально на расстоянии 500 метров. Затем Большая Дарья поворачивает на север и впадает в Чусовую в Староуткинске. Трека после слияния с подружкой течет на юг и соединяется с Чусовой в селении Треки. Топоним «Трека» и произошел от слова «трекать», т.е. речка быстрая с перекатами, говорливая. Узкое место, где протекают рядышком две речушки, и называется Узедями. Оно находится километрах в восьми от деревни Треки.

В сентябре 1798 года на Верх-Исетском заводе хозяином Яковлевым создано Главное управление его металлургических предприятий. Первым главноуправляющим стал именитый старообрядец Григорий Федотович Зотов. До этого времени большая семья Зотовых работала на Уткинском (сейчас Новоуткинск) заводе. Григорий сам весной по бурной Чусовой сплавливался на барках с металлом. Происходило много случаев, когда барки терпели бедствие: садились на мель или разбивались о скалы.

В деревне Треки располагалась пристань Верх-Исетского завода. Здесь строились барки. За зиму свозился металл, и весной готовая про-

дукция сплавлялась в европейскую часть России.

Никто не помнит, когда основались в Узедях старообрядческие скиты. Но эти события происходили еще при Григории Зотове. Чтобы барки во время сплава по бурной Чусовой не терпели аварий, подносились деньги монашкам на богослужение.

Первым скитом руководила 30-летняя инокиня Евгения. В миру Екатерина, дочь крестьянина Тобольской губернии Курганского округа Осипа Сизикова. Вместе с Евгенией проживали еще десять человек. Белица Акилина Сизикова (15 лет) — родственница инокини. Четыре монашки возрастом по 35 годочков и четыре в 60, 65, 75 и 90 лет. В скиту находился и 57-летний отец Осип Сизиков.

Вторая обитель была под началом 34-летней инокини Маргариты. В миру Мария Павлова родилась в деревне Пахомовой Матренинской волости Владимирской губернии — вотчине графа А.Р. Воронцова и им 26 февраля 1800 года отпущена навечно на волю. С Маргаритой находилось семь человек: три старушки от 70 до 80 лет, а остальные монашки в возрасте от 25 до 33.

Первый скит был бедный, а второй — довольно богатый.

В 1816 году обе обители были разграблены трекинскими жителями

Исааком Татарченковым, Мичуровым и Кочевым.

В июне ограбили скит инокини Евгении. Разбойники пришли ночью и выбили окна в кельях, забрали имущества на 258 рублей 50 копеек ассигнациями.

Мать Евгения оставила Узеди и уехала в Сарапульский скит.

На второй скит покусились в июле. Грабители вечером проникли в часовню, где в то время матушка Маргарита со своими сестрами занимались богослужением. Инокиню Маргариту связали. Забрали подчистую все имущество. Принесли в часовню дров, угрожая поджечь, чтобы узнать, где спрятаны деньги, но женщины убедили грабителей сохранить часовню и святые иконы. Из второго скита разного добра унесено на 1479 рублей ассигнациями.

В начале XX века в Узедях собирались старообрядцы из Екатеринбургского, Ревдинского, Васильево-Шайтанского и других заводов, чтобы всем вместе отправиться на Веселые горы. Там они проводили богослужения на могилах иноков Максима, Григория, Гермогена и Павла.

В начале XXI столетия с помощью металлоискателя в Узедях был найден клад. В небольшом ящичке находилась 201 медная монета начала XIX века: 199 по две копейки и 2 монеты по копейке. Итого четыре рубля. **УС**

НАНОТЕХНОЛОГИИ СТОТЫСЯЧЕЛЕТНЕГО ВОЗРАСТА,

или Когда был рай на Урале

Фотографии из архива «Уральского Следопыта»



**Антон Борисович
Васильев**

— профессиональный журналист в свободном полете. Окончил Институт журналистики и литературного творчества. Печатался в «Науке и религии», «Технике — молодежи», «1 сентября», «Лицейском и гимназическом образовании», «Уральском следопыте». Живет в Москве.



Древнейшую стоянку первобытного человека на Южном Урале ученые обнаружили на Тембулатовском озере, на каменном мысу, вдававшемся глубоко в водную гладь. Наши предки знали о том, что вода, омывающая поселения, становится целебной. Такие места — своеобразный фокус между небом и землей.

Пройдя три культурных слоя — меднокаменный (5–6 тысяч лет до нашей эры), неолит (8 тысяч лет) и мезолит (10 тысяч), археологи уперлись в каменное основание мыса. Но даже на нем были обнаружены артефакты разумной деятельности, изготовленные из яшмы и покрывшиеся густой патиной. Специалисты знают, что патина образуется на яшме лишь за несколько сот тысяч лет.

По мере моего углубления в источники стали открываться удивительные факты.

Академик Российской академии естественных наук А. А. Тюняев в процессе работы над книгой «История возникновения мировой цивилизации» собрал сенсационные данные по археологии и древней истории Русской равнины — то есть той местности, которую исторически именуют Русью. Для формирования истинной картины зарождения цивилизации Земли ученому пришлось исследовать около трех тысяч источников, работа же над книгой еще не закончена...

Итак, Русь была заселена современными людьми 50 тысяч лет назад. В это время на всех других территориях существовали только лишь палеоантропы. В Африке — архантропы (предыдущий палеоантропам вид). В Юго-Восточной Азии — архантропы и местами даже гоминиды, предыдущий архантропам вид древнего человека. Все они говорили на самых примитивных языках и являлись носителями хаобиньской и башконской археологических культур галечного типа (такие культуры в европейской части люди преодолели 2–1 миллиона лет тому назад).

То есть на Русской равнине темпы антропогенеза значительно опережали те же показатели других регионов. Таким образом, теория происхождения человека, по новейшим данным археологии и антропологии, приняла совершенно иной вид, подтверждаемый данными генетики крови.

Как следствие, это обстоятельство полностью перечеркивает так называемую «африканскую теорию», основанную, к тому же, на ложном методе определения наследственности по митохондриальной ДНК.

— Самой главной сенсацией для меня, — говорит академик Тюняев, — стало то, что, по комплексным данным, Русская равнина с 50-го тысячелетия до н.э. по настоящее время была густо населена всего одним по расе, национальности и языку народом. Этот народ русы (русские).

...Но Урал выделяется даже из такого выдающегося «ряда».



фото Е. Тамплона

Остров Веры на уральском озере Тургойак... Одна из известнейших достопримечательностей острова — так называемая Пещера Отшельницы. Однако, по словам старшего научного сотрудника Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук Станислава Григорьева, главный ее сюрприз — коридорная трехкамерная гробница.

Камеры сооружены из каменных плит (самые тяжелые весят 15–17 тонн) и не имеют аналога в России. Подобные постройки наука именует мегалитами. К ним относятся менгиры (отдельно вертикально стоящие камни), кромлехи — камни, расположенные по кругу (как во всемирно известном Стоунхендже в Англии), и дольмены. Но оказалось, что мегалиты острова Веры — нечто особенное. Один из них похож на коридорные гробницы Западной Европы. Мрак в узких коридорах рассеивают лучи солнца, падающие через маленькие оконца. Что удерживает от разрушения глыбы, не скрепленные раствором? Какая сила могла сотворить мегалиты из многотонных «кирпичей»? Где древние строители так изучили геологию, что использовали трещины в гранитном основании острова? Кто им «прочертил» четкую ось расположения мегалитов север-юг? Для каких целей предусмотрены зазоры порталных плит, способные в дни весеннего равноденствия пропускать солнечный свет?

— Пока у нас одно объяснение, — говорит Станислав Григорьев. — Это культовые сооружения, которые использовались людьми для неизвестных нам магических и обрядовых ритуалов. Сам остров имел для человека культовое значение еще много тысячелетий назад — первые люди начали посещать его в древнекаменном веке. Причем приходили сюда из очень отдаленных районов: мы нашли здесь фрагменты керамики из Приоболья (Курганская, Тюменская области).

От себя прибавлю: последнее понятно. Но кто же воздвиг такой архитектурный шедевр для ритуалов первобытных народов?!

Приблизительно в середине XIX века на Шигирском торфянике, на восточном склоне Среднего Урала северо-западнее Екатеринбург, открыли месторождение рассыпного золота. Рабочие стали копать и начали находить необычные предметы из рога, кости, дерева, камня, глины: наконечники для стрел и гарпунов, кинжалы с лезвиями из тонких кремниевых пластинок, лук, весла, ковшики с красивым орнаментом.

Все они прекрасно сохранились благодаря тому, что попали в торф — замечательный консервант древностей. А вскоре из торфяника поднялся вновь обретенный Шигирский идол — огромная статуя из листовницы с выразительной головой, испещренная тайнописью, с ногами, перекрещенными, как при ходьбе.

В 1997 году идол начал разрушаться, понадобилась срочная консервация в саркофаге с инертным газом. Но перед тем было решено провести радиоуглеродный анализ проб из внутренних слоев древесины. Результаты исследования просто шокировали всю археологическую общественность. Дата рождения идола — эпоха мезолита (средний каменный век): 9,5 тысяч лет тому назад. А это значит, что он гораздо старше египетских пирамид, цивилизаций майя, инков и Ноева ковчега.

С разных сторон на туловище истукана виден сложный орнамент, кроме того, на больших плоских частях идола вырезаны так называемые личины, или лица. Вначале считалось, что на идоле вырезано шесть личин, однако последние исследования обнаружили седьмую. Первые шесть имеют прямоугольные носы, а вновь обнаруженная отличается тем, что ее нос сделан из сучка дерева, поэтому выглядит короче, и это делает ее похожей на морду зверя.

А то, что всего образов — семь, натолкнуло ученых на любопытную мысль: орнамент Шигирского идола,

возможно, не что иное, как лунный календарь. Цифра семь считается одной из самых таинственных. Древние шумеры придавали ей громадное значение. Не секрет, что каждая из четырех фаз луны делится на семь дней, и именно лунные циклы легли в основу древнешумерского календаря.

Верхняя личина имеет объемную голову и двустороннее изображение. Три фигуры вырезаны на лицевой стороне идола и три на обратной.

Все фигуры совершенно разные. Некоторые имеют скелетный стиль изготовления, т.е. в них просматриваются некоторые элементы скелета. Вырезанные изображения связаны с небесным, подводным и подземным мирами.

И еще один примечательный факт. Обычно такого рода скульптуры, скажем, тотемные столбы американских индейцев, вкапывались в землю. Шигирский же истукан, по всем признакам... стоял, к чему-то прислоненный. Почему? Загадка из загадок. Позволим себе смелое предположение: а вдруг идол каким-то образом передвигался? Звучит фантастически, но кто знает...

Этот «феномен из тихого болота» может оказаться всего на два-три тысячелетия моложе Атлантиды. Но как могли на нем появиться надписи — ведь, согласно общепринятым данным, письменность в Евразии возникла на три с лишним тысячелетия позже?

Судя по всему, 9,5 тысяч лет назад на уральской земле жили люди с довольно высоким уровнем культуры, владевшие инструментами и технологиями обработки природных материалов. К тому же они применяли астрологические знания на практике.

Какими бы скептиками ни были ученые, то здесь, то там «пробивается на поверхность» информация, перечеркивающая традиционные знания о мире.

Может быть, и Шигирский идол в будущем сделает переворот в вопросах естествознания?

Несколько лет назад «Комсомолка» писала о необычных находках на Урале, сделанных геологоразведочной комиссией. В золотоносном песке, в шурфах, пробитых на глубину 6–12 метров, что соответствует верхнему плейстоцену, или **100 000 лет до нашей эры**, были найдены микроскопические пружинки из вольфрама, который не встречается на Земле в чистом виде, и к тому же некоторые из них были... с молибденовыми сердечниками!

Все микропружинки имели чрезвычайно правильную форму, самые крупные достигали 2–3 миллиметров в длину, а остальные можно было рассмотреть только в сильный микроскоп. Геологи показали странные находки оборонщикам.

— Не наше, — последовал по-военному четкий ответ. — Это — **нанотехнологии**. Мы до них еще не дошли...

Ни в одном из известных науке метеоритов самородного вольфрама также не найдено.

Так кто же творил подобные чудеса на Урале, когда на месте пирамиды Хеопса бушевали джунгли, а фундамент Сфинкса мок под тропическими дождями?

Колыбель человечества... Где она находилась? До недавнего времени официальная версия была — в Ираке...

Четыре реки Эдема, описанные в книге Бытия, глава 10, стих 14, для верующих людей — прямой ориентир потерянного рая. Под это понятие пытались подверстать Тигр и Евфрат, добавив к ним два канала, чтобы более походило на реки.

Но на Земле есть только одно место, где практически из одной точки вытекают четыре полноводные, мощные реки — это Южный Урал. По самым строгим геологическим и гидрологическим выкладкам, отсюда уходят в свой дальний путь Волга, Обь, Урал и Ай, в которую через две сотни километров впадает река Уфа. Если смотреть с орбитальной станции, эти реки составляют собой... свастику, или древнерусский коловрат. Похож на этот знак и сам Уральский хребет.

В Памятной книжке Уфимской губернии (Уфа, 1873-й год, ч. 2) говорилось об уникальном народе, исчезнувшем с лица земли: «Он был многолюден и обитал по обеим сторонам Уральского хребта, который у новгородцев назывался Каменным Поясом и Югорской землей». Французский историк Жан Сильвен Байи считал, что этим народом были шумеры.

Британские лингвисты Хингс и Раулинсон, исследователи шумерской клинописи, пришли к выводу об индоевропейском происхождении вождей шумеров, их родстве со скифами. Клинопись — следы иммигрантов, давших знания аборигенам.

Британская иранистка Мэри Бойс, переводчица священной книги Зенд-Авеста, пришла к выводу, что книга имеет... южноуральское происхождение, так как язык и содержание гимнов Авесты локализуется Уфимским краем. В писании говорится о пришествии Саошианта Спиталы Заратустры, или Зороастра, с берегов реки Уфы.

В «Авесте» речь идет о трех самых священных зороастрийских храмах огня: Атур Фарнбаг, Атур Гушнасп и Атур Борзен-Мехр. У башкир Урала до сих пор одно из родоплеменных объединений носит имя священного огня Борзен. Племя бурзян населяет южные отроги Уральских гор, именуемые башкирами «Ирандаг». О том, что священный огонь Борзен был огнем земледельцев, свидетельствует и то, что башкиры перед началом посева справляли свой древний праздник — Хаб-ан-туй. Слово Хаб на языке кордов и иранцев означает зерно. Хабанд на языке кордов Месопотамии означает — молиться и поклоняться Богу.

Еще одно свидетельство того, что прародина кордов и иранцев располагалась на Севере, а точнее — на Южном Урале, мы находим в «Авесте», где уже говорится о климате, который соответствует климату Урала... «Прежде (всех) лучших мест и обителей создал я, Ахура-Мазда, (область) Арьяна-Вайджа (реки) Вахви-Датыи, а противовес этому vytvoрил Ахра-Манью, полный смерти, змея рыжего и зиму, данную дэвами, — десять там месяцев зимних, два летних».

К. А. Иностранцев так формулировал свое понимание иранской прародины: «... мы рассматриваем Айрианэм-Ваэджо Авесты, Айран-Вэдж парсийских авторов, как обширную территорию скифов-саков за всю эпоху их миграций, от крайних северо-восточных границ его до Индии».

Российский археолог Н. Л. Членова также идентифицировала географические объекты Зенд-Авесты с Волго-Уральским регионом: река-женщина Рангха (Ардви-Сура), по ее мнению, Волга, золотая гора Хукарья — гора Иремель, а река Дантия — Урал.

фото Е. Тамглона



фото В. Байдукова

связана с принципом Мандалы. Это многозначное понятие («колесо», «страна», «община»),

происходящее из Ригvedы, моделируется в виде круга, квадрата или сочетания данных фигур.

Академик Э. Бертельс, изучавший Авесту, изумлялся высшей абстрактности мышления ее создателей и глубиной постижения космических законов. Безусловно, с Южного Урала в Междуречье приходили Сверхлюди...

«Зора», «Зара» — славянское «Заря», «Астра» по-латыни «Звезда». Зороастр — восход звезды. Отца его звали Поурушасп, мать — Дугдова. Явно читаются санскрит и славянские наречия.

Доктор историко-педагогических наук В. А. Царевский в результате исследований сделал вывод, что родиной Заратустры являлось селение Аркаим на Южном Урале, в Брединском районе Челябинской области. Это загадочное поселение было вновь открыто в 1986-ом году. Ученые считают, что оно — почему-то неразвившаяся до логического завершения протогородская цивилизация, по значимости равная культурам Мinoйского Крита и Микен.

Согласно Зенд-Авесте, 10–12 тысяч лет назад Земля поменяла магнитный полюс, повернувшись на 90 градусов, в результате чего появился новый экватор, а старый превратился в один из меридианов! Но информационное поле прежней оси, отличное от всех прочих меридианов, осталось. Древние арии приняли его за нулевой меридиан и назвали серединой

мира. Это было на Урале. Так был заложен Аркаим.

Не только география «Ригvedы» (первый памятник древнеиндийской литературы) и «Авесты» (древнеиранский религиозный памятник) показывает поразительное сходство с Южным Приуральем периода 3–2 тысяч лет до н.э., но и круговая символика протогородов, вероятно,



В протогород вели четверо ворот — строго по сторонам света. Точный обмер пропорций поселения и его геометрических осей в сочетании с объектами окружающего рельефа позволили сделать предположение, граничащее с уверенностью: древнее строение с высокой точностью сориентировано по азимутам основных астрономических событий (восходы и заходы светил в дни равноденствий и солнцестояний), то есть, возможно, использовалось предками еще и в качестве обсерватории. Археoaстроном Константин Быструшкин в своей монографии «Народ богов» категорически заявил: «На линии горизонта мною обнаружено не менее 38 объектов, которые по традиционной археологической классификации аттестуются как «антропогенный объект неясного назначения», а для специалиста по археоастрономии и археогеодезии вполне очевидно, что это визиры, которыми пользовались древние наблюдатели светил. Суммируя собранные факты, можно сделать безошибочный вывод: Аркаим — древняя пригоризонтная обсерватория...

Археoaстрономия накопила множество фактов, свидетельствующих о том, что на протяжении всей древней истории, начиная с палеолита, разные народы строили пригоризонтные обсерватории, чтобы наблюдать восходы и заходы светил. Обычно такая обсерватория «настраивалась» всего лишь на одно из восемнадцати значимых астрономических событий. До сих пор известен только один комплекс, позволявший наблюдать сразу несколько событий, — Стоунхендж. Но класс точности Аркаима значительно выше!».

Точно не известно, почему жители Аркаима покинули свой город; скорее всего, причины были климатическими. Перед уходом аркаимцы привели его в идеальный порядок, а затем... подожгли. Вероятно, поджог был ритуалом, символизирующим мировой пожар, который должен обновить мир.

Любопытно, что Москва рисунком своих проспектов почти копирует аркаимские улицы...

Но и это еще не весь Урал! Согласно сотруднику Самаркандского государственного университета, историку Наилу Фатхутдиновичу

Валитову, большая часть Ветхого Завета написана на языке «вульгата», по иной транскрипции — «аулия» или «эйлянэ», вновь расшифрованным ученым языком древних жителей Южного Урала, возможно, эмигрировавших в Палестину. Спорно, но интересно...

В своей книге «Сокровенная история России. Тайна великого исхода» Наиль Валитов приводит также источник — средневековую болгарскую рукопись «Джагафар Тарихы» — «История Джагафара», изданную на русском языке в 1993-ом году. В ней говорится, что в незапамятные времена болгарский город, или область Атряч, был разгромлен в войне, и уцелевшие жители эмигрировали в южную Европу, создав на Апеннинах новое государство под прежним названием Идель (Итиль). Язык пришельцев смешался с наречием апеннинских аборигенов, и название страны начало произноситься как «Италия», самих же атрячцев прозвали этрусками.

«Ур» — свет. «Ал» — устремленный за пределы. Что же за земля ты, Урал? Каких тайн мы ещеждемся от тебя? **У**



На Корабельном МЫСУ

Валентин Моисеев

Иллюстрации предоставлены автором



▲ Старозаводская дорога у Скорбященского монастыря
Приблизительно 1920–1930 годы.
Из архива И. Т. Коверды.

Стоял июнь 1954-го года, и начинался один из светлых безоблачных дней, когда веселое солнце, согрев остывшую землю, выплескивалось из нее россыпями маленьких солнышек-одуванчиков. Ранним утром столь радостного, сияющего дня по тихим улицам старого рабочего города Нижнего Тагила брели двое — усталая, бедно одетая женщина чуть старше сорока лет и худая безрогая коза, неспешно следовавшая за хозяйкой, срывая по пути понравившиеся травинки и веточки из встречных палисадников. В те времена многие держали скот — коров, коз, овец, поэтому никто не обращал на маленькую процессию внимания. Путники направлялись за город, к Старозаводской дороге (Невьянский тракт).

Часа полтора шли без остановки. Миновали последние городские дома, бывшую Демидовскую дачу, начались пустыри, стал громче птичий гомон. Пересекли по деревянному мостику небольшую речку, за ней, с правой стороны от дороги показалась кирпичная ограда с орнаментом в виде крестов. Внутри ограды, возле ее угла, стоял каменный двух-

этажный дом с рельефной надписью на фронтоне: «1911 г.». Дальше находились еще несколько построек и два бывших церковных здания: высокий полуразрушенный, с выбитыми окнами храм из красного кирпича, за ним как бы пряталась небольшая белая церковка. Эта территория, ранее принадлежавшая Скорбященскому женскому монастырю, стала при Советской власти так называемым Детским городком, то есть здесь разместились детдом.

Женщина с козой была моя мама, София Петровна Дормидонтова. Козу звали Динка, ею очень дорожили из-за вкуснейшего, без неприятного привкуса, и просто целебного молока. Динка, красивое, даже грациозное, но довольно упрямое и озорное создание, прекрасно знала дорогу, этим маршрутом ее уже водили. Каждый раз она решительно останавливалась именно здесь, у монастырской ограды, намереваясь отдохнуть в тени сосен и акаций. Сдвинуть ее с места не представлялось возможным, приходилось ждать. Лишь вдоволь належавшись и насладившись жвачкой, успевшая нацепить на свои бока грозди репейных колочек, коза



Валентин Моисеев

инженер, выпускник физического факультета УрГУ. Автор нескольких публикаций в «Уральском следопыте». Живет в Нижнем Тагиле.



вставала и милостиво соглашалась продолжить поход. Оставалась половина пути, следовало поторопиться, пока не начался полуденный зной.

За Детским городком виднелось среди сосен небольшое кладбище, далее шли поля, за ними струилась еще одна речка и начинался прилегающий к большому, изогнувшемуся, как морской конек, пруду лесной массив — Корабельный мыс. Живописное тихое место прежде являлось монастырской заимкой, с крохотным «кирпичеделательным» заводиком и глиняным карьером. Немногочисленные заводские рабочие жили тут же, а несколько поодаль находилась скромная усадьба, огороженная высоким крепким плетнем. Значительную часть усадьбы занимал пчельник, к нему притулился небольшой деревянный домик с крохотным дощатым мезонином. Этот захудалый, без отопления, потемневший от времени и непогод мезонин мои родители снимали на летние месяцы как дачу. Сюда перевозили на телеге нехитрый скарб и приводили — на подножные корма — нашу замечательную козу. За отсутствием мебели мы спали на полу на матрацах, набитых ароматным, колючим сеном. Неподалеку от ограды, возле оврага, стоял шалаш из ивовых прутьев и выложенная из кирпичных обломков печка, здесь, на свежем воздухе, готовился наш обед и ужин.

Вероятно, название «Корабельный» возникло, когда на пруду появился небольшой пароходик, перевозивший пассажиров и грузы. Однако посчитать кораблем шлепавшую водяными колесами и отчаянно дымившую крохотную посудинку мог только очень веселый человек.

Хозяевами нашего летнего приюта были две пожилые женщины, мы называли их Миропия Федоровна и тетя Даша. Жили они здесь постоянно, исключительно своим трудом, держали корову, коз, пчел. Суммы, очень небольшой, получаемой от нас за аренду мезонина, вероятно, хватало лишь на хлеб; никакой пенсии им не платили. В прошлом Миропия Волкова некоторое время служила регентшей в упомянутом выше Скорбященском монастыре. Дарью Коровину, в молодости также оказавшуюся в монастыре, жизнь заставила заниматься не вполне женским ремеслом — столярным делом, которым она в совершенстве овладела. У нее получались замечательные оконные рамы, мебель и многое другое. Нам о монастырской жизни женщины рассказывали мало, по понятным причинам — 1950-е годы были непростые... Старушки после закрытия монастыря по-прежнему соблюдали старые религиозные обычаи. Они сумели сберечь много икон, опасаясь за сохранность которых в свою тщательно выбеленную комнатку-келью старались никого не приглашать. В комнате поддерживалась идеальная чистота; на кушетке дремал большой рыже-белый, с длинной шелковистой шерстью, кот Люсик, тоже очень чистый, панически боявшийся гостей и тотчас прятавшийся, если кто-то входил.

Одевались обе женщины крайне бедно, но опрятно. Миропия Федоровна по привычке носила монашеские высокие ботинки с длиннейшей шнуровкой, иногда почему-то любила надевать платье защитного цвета. Упав однажды с лестницы, она сломала ногу и слегка хромала. Голос у нее был тихий, дребезжащий, в отличие от полновзвучного тети Дашиного говора.

Обе наши хозяйки находились в постоянных трудах и заботах, праздность считалась большим грехом. Если, например, утомившаяся тетя Даша, выполняя свою долю всех хозяйственных дел, ненадолго присаживалась, чтобы перевести дух, и появлялась сухошавая, чуть желчная Миропия Федоровна — тотчас следовал полусуточный диалог о праздном времяпрепровождении.



▲ Осень
▼ на Корабельном мысу.



Усадьбу стерегла огромная злобная овчарка по кличке Арэкс. Еще щенком Арэкса, подкинув ему осиное гнездо, научили не брать ничего у посторонних. Кормить его могли только тетя Даша и Миропия Федоровна. На других пес остервенело кидался, едва не обрывая цепь. Однако, к всеобщему удивлению, моя мама, совершенно не боявшаяся и любившая собак, спокойно подходила к страшному Арэксу и кормила его остатками обеда.

Надев защитную черную сетку, мама иногда помогала тете Даше на пасеке, и нас потом угощали свежим ароматным медом, подавая его в золотистой стеклянной чаше, видимо, взятой из монастыря; прозрачный, собранный с великолепного разнотравья, мед по цвету не отличался от чаши. Порой предлагали липкие куски пчелиных сот — слаще сотового меда, наверное, ничего не бывает! Как-то раз пчелы роились (роение — процесс образования новой пчелиной семьи) и часть из них покинула ульи; мы находились неподалеку. Покружившись, небольшая группа пчел «привилась» не на какой-нибудь ветке, а села моей маме на голову, запутавшись в мягких

тонких волосах. Несколько пчел подлетели и ко мне, больно ужалив в шею. При роении пчелы становятся весьма агрессивными и могут быть опасными.

Попутно замечу, что пчеловодство на Руси издавна считалось богоугодным промыслом, ибо «пчела доставляет воск на свечи» (другие свечи, не из натурального воска, например, парафиновые, к церковному употреблению не допускались по каноническим правилам). Несмотря на широкое распространение пчеловодства в России, до Первой мировой войны российские свечные заводы использовали в основном заграничный воск, доставлявшийся почти исключительно из Германии, из ее колоний. Центром мировой торговли воском был Гамбург.

Вокруг нашей дачи росло немало ягод — жимолость, шиповник, земляника. Из жимолости хозяйки тайком делали домашнее вино, помогавшее скоротать долгую зиму. Узнали мы об этом случайно, услышав однажды взрыв — лопнула хранившаяся под лестницей огромная двухведерная бутылка с бродившими ягодами. Вино растеклось, и Миропия Федоровна, охая и причитая, собирала с полу в образовавшемся ароматном озере осколки.

Лес вокруг был смешанный, много росло берез и сосен, между ними зеленели светлые лужайки, служившие покосами. Встречались тенистые осиновые рощицы, куда водили коз — мы нагибали молодые осинки, и козы с жадностью срывали горьковатые листья. Тетя Даша иногда брала большой холщовый мешок и «доила» в него невысокие осиновые деревца.

Серьезной проблемой для жителей Корабельного мыса являлась покупка хлеба. Ближайший ларек имелся в поселке Фотеево, на противоположном берегу широкого и длинного пруда. Тетя Даша однажды дала нам свою лодку-плоскодонку, и мы с мамой и с моей сестрой Эмилией отправились через пруд за хлебом. На обратном пути поднялся сильный ветер, гладкая водная поверхность вспенилась, покатались барашки волн. Мы с Милей были слишком малы и слабы, чтобы понять серьезность положения и помочь маме грести — лишь пересели для устойчивости лодки на ее черное просмоленное днище. Но мама справилась, путешествие закончилось благополучно, только больше плавать в Фотеево мы не решались. Позднее на Корабельном все же открыли крохотный магазинчик. В нем продавалась консервированная американская вареная колбаса, компот из ананасов в жестяных банках, а хлеб привозили от случая к случаю, за ним выстраивалась очередь. Еще остался в памяти другой день — когда дачники и местные ребята находились на берегу, и вдруг небо потемнело, а над прудом нависла огромная вертящаяся водяная воронка — шел смерч; все побежали прятаться в ближайшие постройки.

Из немногочисленных других дачников запомнились мои ровесники — дети из знакомого многим старым тагильчанам семейства Закощиковых, скромная и добрая Неля и ее бойкий младший брат Стасик, а также Славик Шарипов, Люся Мороко; с ними мы играли в мяч и ходили на берег пруда.

На берегу пруда, у скалистого мыса, мы иногда рыбачили с моим отцом, Дмитрием Васильевичем, остававшимся в городе и навещавшим нас по выходным дням. Однажды он поймал на удочку довольно крупную рыбку. Не зная, что это за рыба, отец сказал: «Наверное, сорожка или елец». С гордостью нес я наш улов мимо здешней чумазой детворы. Потом про место той удачной рыбалки говорили — это где попался елец. Спустя четыре десятилетия в память о моем отце на карте города появилось название — мыс Елец.



▲ Дачники
▼ на Корабельном мысу





▲Скорбященская церковь.
Храм освящен в 1883 г. в честь
иконы Пресвятой Богородицы
«Всех скорбящих Радосте».
Из архива И.Т.Коверды

Прошли годы; жизнь на Корабельном мысу осталась приятным воспоминанием. Не стало тети Даши, судьбу других «корабельщиков» я не знал и не думал уже что-нибудь услышать о них. Тем удивительнее оказалось несколько десятилетий спустя, в 2004-м году, в сборнике «Тагильские фамилии» неожиданно увидеть статью Юрия Владиславовича Шарипова с фотографиями повзрослевших друзей моего детства.

Еще более поразили случайно попавшие мне в руки копии архивных документов, рассказавших о некоторых событиях, связанных со Скорбященским монастырем и его населенниками. В том числе в старых бумагах невероятным образом всплыли такие знакомые имена: Дарья Никифоровна Коровина, Миропия Федоровна Волкова. И словно заглясь давно потухшая святая лампада... Произошла радостная и грустная встреча с этими давно ушедшими людьми. Найденные документы позволили заглянуть в их трагическое прошлое.

История Скорбященского монастыря начиналась в середине XIX-го века, когда тагильский купец Иван Иванович Сергеев, согласно родительскому завещанию, построил на свои деньги за городской окраиной кладбищенскую церковь. Со временем при церкви появилась богадельня, для которой с разрешения заводовладельца П. П. Демидова около церкви отвели земельный участок.

Старушки после закрытия монастыря по-прежнему соблюдали старые религиозные обычаи. Они сумели сберечь много икон, опасаясь за сохранность которых в свою тщательно выбеленную комнатку-келью старались никого не приглашать.

Жизнь в богадельне устраивалась на монастырский лад, однако лишь в 1902-ом году богадельню преобразовали в женскую общину, «с наименованием ее Скорбященской, с таким числом сестер, какое община в состоянии будет содержать на свои средства». Затем, после многочисленных обращений и ходатайств, определением Святейшего Синода от 23 октября 1904 года община получила статус монастыря.

Когда в старой кладбищенской церкви стало тесно, службы при возможности переносили на открытый воздух. Встал вопрос о строительстве нового большого здания. В мае 1905 года рядом со Скорбященской церковью заложили новый храм — в честь Вознесения Господня. В августе 1913 года на Вознесенском храме установили кресты.

Порою бытовало и бытует представление о монастырских обителях как о бездельниках, живущих за чужой счет. Между тем монастыри сами вполне обеспечивали своих обитателей и помогали другим людям. Монашеская жизнь — это нескончаемый труд и строгое выполнение монастырского устава (с подъемом в 4 часа утра). Посетивший в 1910-ом году Нижнетагильский женский Скорбященский монастырь Епископ Екатеринбургский и Ирбитский Митрофан записал в своем дневнике, что в монастыре «... три монахини, 7 указных послушниц и сестер 101. Из них несут послушание 30 сестер в белошвейной мастерской, 6 — в живописной, 3 — в переплетной, 8 — в цветочной, 5 — в портняжной, 3 — в чеботарной, 6 — в одеяльной, и 6 сестер неустанно, по очереди ведут чтение псалти-

Показательно, что когда после революции стали закрываться религиозные учреждения, от граждан поступали просьбы «оставить монастырь как коммунистическую семью, существовавшую своими трудами»

ри. Остальные сестры заняты хозяйственными работами. В летнее время, кроме занятия полевыми работами, сестры монастыря занимаются выделкой кирпича, ежегодно вырабатывая его до 300 тыс. штук». Наибольшие доходы монастырь получал от рукодельных работ, которыми славился (особенно удавалось «шитье шелком и золотом»), а также от продажи кирпича, молочных продуктов, сена, скота и за чтение псалтири по умершим. Монастырь полностью обеспечивал свои нужды, поддерживал бедных, содержал церковно-приходскую школу. Пожертвования, получаемые от прихожан и благотворителей, были невелики.

Показательно, что когда после революции стали закрываться религиозные учреждения, от граждан поступали просьбы «оставить монастырь как коммунистическую семью, существовавшую своими трудами» (сохранился протокол собрания груп-

пы городских жителей, обратившихся в местные органы власти с таким прошением). Однако в противовес подобным обращениям организовывались другие собрания, на которых выступавшие требовали передачи церковных зданий Детскому городку, эти требования соответствовали мнению и настрою тогдашней власти. После долгих споров и сомнений монастырь постановили закрыть, богослужение в монастырских церквях прекратилось. Подворье монастыря в ноябре 1920 года было отведено для концентрационного лагеря, но постановление о закрытии церкви не привели в исполнение, ибо оказалось, что жилых монастырских помещений для лагеря достаточно, церкви не понадобились. Двор лагеря обнесли колючей проволокой, служба в храмах возобновилась. Монастырские обитатели частично перебрались в город, другие, во главе с игуменьей, поселились в одной из церквей.

После лагеря подворье занял Детский городок (решение об этом приняли 21 августа 1922 года), в жилых помещениях монастыря разместили персонал детдома и свыше двухсот детей-сирот.

Окончательно постановление о закрытии монастыря и проверке церковного имущества Нижнетагильский горсовет вынес 30 марта 1923 года. Постановление немедленно исполнили; оставшихся монахинь, не успевших забрать даже самое необходимое личное имущество, спешно выселили. В акте «осмотра и припечатания бывшего Скорбященского монастыря», составленном уже на следующий день, 31 марта, в числе прочего, записали: «... При осмотре оказалось живущих при самой церкви четыре монашки и девочка 12 лет (Миропия Федорова Волкова, Ольга Дмитриевна Филинова, Дарья Никифоровна Коровина, последняя приехала на праздник Пасхи на моленье из деревни Деева Ромашовской волости, и девочка Ольга Никифоровна Коровина). При опечатании церкви выселились. Имущество не проверено ввиду отсутствия инвентарной книги при монастыре. Запечатано снаружи церкви семь дверей и снаружи одна»...

Перед описываемыми событиями обязанности регента исполняла Александра Николаевна Курочкина. Миропия Федоровна Волкова осталась служить, но в иной должности... 10 апреля 1923 года в Нижнетагильский уездный исполнительный комитет поступило заявление:

▼ Один из монастырских домов



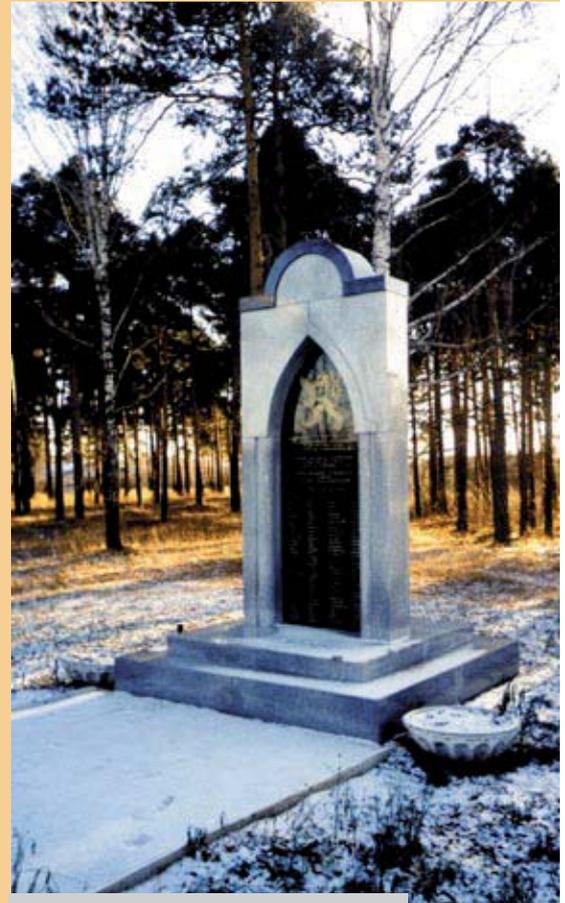
«... От сторожихи бывшей монастырской церкви Миропии Федоровой Волковой. Настояще прошу уисполком выдать мне мои вещи находящи в ныне запечатанной монастырской церкви». Далее перечислялись: кадочка с мукой, гардероб для хранения платья, обувь и грязное белье, банка железная с охрой и банка с сухой рыбой, стеклянная банка с рябиной, две четверти с соком жимолости, кадочка из-под воды, кадочка с капустой, мочала, стеклянная банка с огурцами, пялы для рукоделия, три пчеловодные шляпы с сетками и другие предметы — всего 26 наименований. В исполкоме прошение рассмотрели и наложили резолюцию: «Вперед до выяснения отказать». Читая этот документ и особенно резолюцию на нем, приходится, мягко говоря, удивляться...

Но потом жалкие пожитки сторожихи все-таки вернули их владелице. Возвратили личные вещи также бывшей настоятельнице обители Феозве Константиновне Крузве и другим монахиням и послушницам. Церковное имущество подробно описали. В длинном списке перечислялись ценные предметы — серебряные сосуды и столовые приборы, кресты, подсвечники, большое вызолоченное 4-ярусное паникадило в 52 свечи, иконостасы, писанные на золоточеканных досках и на досках простых, иконы, хоругви, богослужебные книги, облачения священника и многое другое.

19 июня 1923 года был составлен акт о начале передачи зданий храмов уездному отделу народного образования («унаобразу»). Церковную

утварь решили отдать в бесплатное пользование группе верующих при Входо-Иерусалимском соборе, старинном, намоленном, помнящем заводчиков Демидовых, возвышавшемся над центром города. Однако собор также был разгромлен. В 1929-ом году в стенах собора открыли музей истории атеизма, в 1936-ом здание разрушили. Все ценное — золотые и серебряные вещи, вырванные из окладов икон драгоценные камни — поступило в распоряжение государства. На брошенных иконных досках зимой дети катались вместо салазок с ледяных гор.

Медленно и трудно шли мрачные и тяжелые годы. Значительно поврежденные Скорбященская церковь и Вознесенский храм каким-то чудом устояли, их не взорвали, как это случилось со многими другими церквями. Вероятно, повлияло их загородное положение и пригодность помещений для нужд детдома. И лишь несколько десятилетий спустя в жизни страны произошли перемены, в результате которых отношение к памятникам старины и к религии изменилось. В июне 1998 года началось восстановление Скорбященского монастыря, в мае 2002 года вместо уничтоженного купола Вознесенского храма водрузили новый, из прочного титанового сплава, сияющий на солнце как золотой. Престол Вознесенского храма после восстановления был заново освящен в честь Воздвижения Креста Господня. К сожалению, из-за финансовых



▲ Памятник чешским легионерам

трудностей ремонтные работы вскоре почти прекратились.

На Корабельном мысу уже давно нет кирпичного завода, развалины его примитивных цехов и двухэтажного дома, где в прошлом проживали работавшие на выделке кирпича монастырские сестры, покрылись бурьяном, заросли от Иван-чая. Берега пруда в этом месте почти не изменились, по-прежнему у кромки воды собирается желтоватая пена от волн, беспорядочно изрытые при добыче глины лужайки заросли осинкой и березками. Пушистая ива осторожно склоняется над водой. Особенно красива, как и прежде, прибрежная аллея — обрамленная цветущим шиповником, осенью золотая от падающих листьев. По этой аллее столько раз хаживала когда-то тетя Даша, с тележкой для накошенной травы, с корзинкой, полной ягод и грибов... И наши родители, и мы с сестрой — молодые и счастливые — оставили здесь свои невидимые следы. Корабли у Корабельного мыса не причаливают — их просто нет. Изредка проплывет белопарусная яхта, пронесется мимо легкая лодка-моторка. И снова тишина — как в драгоценном далеком детстве. **УС**

▼ Монастырское кладбище





И бродит дух писателя...

Наталья Запорожцева

Иллюстрации предоставлены автором

В этом году исполнится 150 лет со дня рождения и 100 лет со дня смерти писателя Сергея Миловского (Елеонского).

Этот рассказ о трагедии его созидательной души.

Августовским вечером 1911 года в пропахшем рыбой и скаредностью провинциальном Сарапуле отлетела многострадальная душа писателя Сергея Николаевича Миловского (Елеонского). Долготерпеливая пружина вдруг распрявилась вольно и легко — и взметнула своего хозяина вывсь подобно чуду вознесения с Елеонской горы. Он рухнул с крыши училища и разбился. И сверкнули в тот миг то ли зарницы, то ли брызнули осколки стеклянного яблока — талисмана его детства.

И нет с тех пор покоя писательской душе, мается и кружит она по коридорам, чердаку и крыше бывшего Сарапульского духовного училища. Здание темно-красного камня и сейчас не у дел — полуразрушенное, как после войны, с грязными стенами. Ночью то там, то здесь блеснет пенсне: дух смотрителя обходит кабинеты, пугая жильцов, и вопрошает, и вспоминает...

...Вот тут был стол зеленого сукна, портрет государя Императора, конторка и чудо прогресса начала XX века — пишущая машинка.

Здесь хорошо работалось в летней тишине, когда воспитанники разъезжались на вакации. Любовно создавал он учительскую корпорацию из лучших «академиков», соучеников — всегда знал цену образованности. Сам учился 15 лет, окончил в Пензе духовное училище, семинарию первым разрядом, из Казанской духовной академии вышел кандидатом богословия. А в окружении толковых коллег провёл полжизни: дружелюбие, славные традиции корпорации, остроумные шутки над меркантильным торгашеским душком и городскими сплетнями. Уездные пересуды, однако, с годами незаметно опутывали училище, семью, смотрителя...

Летом спасали охота и прогулки за Камой. Но зимой и город, и реку Каму заваливало снегом, рано темнело. Хозяйственные хлопоты отнимали дни, недели, месяцы жизни. У жены начинались нервические припадки. При каждом покашливании детей он испытывал кошмар возможной их потери, и наваливалась старая «арзамасская» тоска. Тогда он попробовал убить ее опиумом — и чуть не убил себя.



Наталья Семеновна Запорожцева

медик, краевед, педагог-психолог, журналистка. Окончила Казанский медицинский институт. Попав по распределению в Сарапул, сотрудничала в одноименной независимой газете. Активно занимается поисковой работой, ведет большую историко-краеведческую переписку. Является организатором и руководителем школьного музея «Сарапульская старина». Добивается того, чтобы сделать музеем-усадьбой дом писателя-просветителя Н. Н. Блинова.

Страстный книголюб, в Сарапуле он серьезно занялся писательством. После смерти тестя, починковского священника о. Алексея Введенского, остались воспоминания старика о службе. Перелистывая их, Сергей увидел как живого папашу-крестного, батрака на поповом дворе, подпаска, проворонившего стадо. Все это напомнило ему сиротское отрочество и легко легло на бумагу. Рассказы были посланы В.Г. Короленко и напечатаны в «Русском богатстве». Ответ Владимира Галактионовича и выбранный им псевдоним — Елеонский (вознесшийся с горы Елеон) — преопределили судьбу Миловского. Он воспрял духом и разработал целую систему работы со словом. Ходил на сарапульскую пристань и в толпе слушал и записывал местные словечки для будущих рассказов.

Своих героев он не придумывал, он помнил их. Добродушный отставной солдат Андрей Пареный — сторож духовного училища, тайком в карцере подкармливающий краюшкой хлеба с селедкой провинившегося сорванца; прослезившийся pater noster Иван Петрович Чуриловский — гроза плохих учителей и нерадивых учеников; непримиримые враги Подоплекинского училища — холостяк-выпивоха Пospelов и скряга-законоучитель о.Матвей, которых подружил только приезд и смерть юной учительницы Машеньки; отчаявшийся священник, муж революционерки Капочки; сжигающий учебники смотритель Никодим Петрович, усмотревший после обильных возлияний вред зубрежки для маленького талантливого Бабушкина. Пока тонкое перо писателя выводило каллиграфические буквы, он жил судьбой своих персонажей, негодовал, смеялся, плакал и умирал вместе с ними. Вдохновенно писал он рассказ-легенду о запретной любви православного сельского учителя к марийской девушке-язычнице Качук. Так прошло самое плодотворное десятилетие его карьеры — учительской и писательской. Миловский получил очередной чин, благодарности епархии за отлично поставленную педагогию и обучение инородцев из дальних приходов. Образованный смотритель стал своим в среде сарапульской интеллигенции.

Он один из учредителей земского краеведческого музея, Общества изучения Прикамского края, участвует в археологических раскопках, состоит в благотворительных комитетах.

Обремененному семьей Миловскому материально помогал Елеонский. Двойники срослись, почти свыклись с неудобствами слишком тесного соседства. Елеонский выпустил три книжки рассказов с посвящением В.Г. Короленко и П.Д. Протопопову, стал регулярным корреспондентом толстых журналов и героем рецензий А. Измайлова. Он вел переписку с известными русскими литераторами — И.В. Жилкиным, В. Брюсовым, П.П. Гайдебуровым. Но и портил карьеру Миловского тот же Елеонский, а также другие его двойники: Млит, Спирит, Провинциал и Николай Шиханов. Этими псевдонимами Миловский подписывал свои произведения.

Иронические образы священников, попадей, гласных и приставов были узнаваемы в маленьком городке и весьма далеки от идеала.

Беда кралась много лет, по мере того как одна из его ипостасей переходила в другие. Иронические образы священников, попадей, гласных и приставов были узнаваемы в маленьком городке и весьма далеки от идеала. Лишь немногим друзьям читал он свои рассказы. Слухи, однако, просочились и дошли до епархии. Недомолвки, строгие взгляды, сдержанный тон сказали ему очень многое. Он живо представил себе, как его выгонят со службы



и неработающая жена, дочь и сын останутся без содержания и образования — и заболел. Бессонница, мучительные головные боли — весь букет невротического расстройства привел его в 1905 году в окружную психиатрическую больницу Казани, где он лечился полгода. «Неужели я никогда не смогу больше писать, как прежде?» — отчаивался он. Но вышел из лечебницы посвежевшим, повеселевшим, совсем поправившимся. И вскоре привычный тандем Миловский-Елеонский вновь приступил к своим делам на учительском и литературном поприще. Существующее двойственное положение, однако, для него было мучительным и неразрешимым. Уйти из училища он не мог, надо было кормить семью, выработать пенсию. Но душа, отравленная наслаждением творчества, желала одного — писать. Учительскую карьеру он насмешливо называл «вождем преуспеянием», но был здесь нужен и востребован, любим детьми и педагогами. Мало знающие литературу священники как-то не связывали милого Сергея Николаевича с насмешливым Елеонским. Епископ Мефодий, конечно же, слышал о тайном писательстве зрителя, но рубить с плеча не хотел. Так продолжалось еще несколько лет. Он писал другу-режиссеру Гайдебурову: «Два года до пенсии осталось. Пенсию семье, пусть справляются,

а сам хоть голодать, но на люди, в настоящую жизнь, в настоящую работу. Да у меня еще архиереи не тронуты, теперь не решаюсь, опять выследят. А какой материал...». Не успел...

К 25-летию его педагогической деятельности в 1910 году епархия, земство устроили ему пышное торжество. Он расчувствовался, прослезился, но иллюзий не питал. В его ответных словах «юбилей — это мавзолей» была давно выстраданная истина: он белая ворона в епархии, корпорации, Сарапуле.

С трудом он завершил учебный год, ведя непрерывную переписку с редакторами, друзьями. Надо было лечиться, поехать хотя бы в санаторий. Ведь столько лет без отпуска и безвыездно в Сарапуле! Но разболелась жена, которую пришлось отправить лечиться в Казань. Связанные жизнью, супруги болели почти одновременно. Дочь Софья уехала в Петербург на литературные курсы. Миловский послал туда взнос за полгода из училищного жалованья и жене на содержание в Казань. И остался с сыном, учащимся реального училища. Денег не было. Он писал одну за другой просьбу в толстые журналы выслать аванс, гонорар — напрасно. Редакции обезлюдели, погрузились в летнюю истому и на письма не отвечали. Те же журналы после его смерти расхватали его рукописи и заплатили вдвое. Но тогда, в конце лета

1911 г., не нашлось и десятка рублей на гонорар нуждающемуся провинциальному писателю. И произошла трагедия.

Он ушел, не реализовав множество идей и задумок, затравленный безденежьем, измотанный многолетней работой без отдыха, обострившимся неврозом, угрозами епархии. Газета «Прикамская жизнь», 1911 г.: «11 августа в 9 часов вечера зритель незаметно от всех вышел на двор, отсюда он влез по лестнице на крышу здания училища и, пройдя по крыше несколько шагов, ринулся вниз в каменный ров, выкопанный перед первым этажом здания. В глубине двора в это время был дворник, который и услышал какое-то глухое падение с крыши... Подойдя, он увидел С.Н., лежавшего на спине поперек рва ногами к окнам училища. Из левого уха текла кровь. С.Н. тотчас же перенесли в квартиру, где он прожил не более 3/4 часа и, не приходя в сознание, скончался».

Гайдебуров написал в некрологе: «Вырвись он в Петербург, он попал бы в газетную кабалу и положил бы жизнь на какого-нибудь ночного редактора, оставшись таким же неисчерпанным, каким он ушел от нас теперь. Слезы подступают к горлу, когда я вспоминаю о нем, таком «подлинном», таком непосредственно одаренном, что,

Сарапуль. Вознесенский собор и Торговая площадь.



г. Сарапуль.
Большая Покровская улица.



узнав его, уже нельзя было не любить его. Мне видится его мягкое доброе лицо, его серые большие глаза с насмешливым любопытством глядят на меня:

— Зачем огорчаться? Обыкновенная история. Скверный анекдот».

Как водится, пишущая братия вздрогнула от тайны очередного самоубийства, возник шумный интерес к малоизвестному литератору. Жил бедняга безвыездно в своем — как там его — Сарапуле и писал в канун мировой войны и революции о вещах немодных и малоинтересных — о жизни попов. Столичный борзописец А. Измайлов раскритиковал «бытописателя духовенства», «кроткого обличителя» за отсутствие революционного запала в рассказах. А член народнического кружка Миловского Алексей Пешков, превратившийся в известного революционного писателя М. Горького, разразился резкой отповедью в адрес бывшего учителя и предлагал немедленно бросить писать. Удивительно ли, что в кротком учителе вышло вековое родовое достоинство Миловских и Масловских, и он пошел наперекор влиятельному писателю, порвав в клочья его письмо, черновик которого, впрочем, «буревестник»

Рассказы рано умершего писателя, при жизни с трудом пробивавшиеся в печать, вместе с некрологами хлынули в десятки газет, и читающая дореволюционная публика увидела в нем тонкого, лиричного, ироничного писателя и посочувствовала его персонажам в рясах, вставших в чехово-гоголевский ряд маленьких людей.

не преминул отправить в многочисленные собрания сочинений. С тех пор прошли несколько войн и революций, но по-прежнему читающая публика узнает о Миловском лишь из горьковских воспоминаний да из измайловского очерка, низводящего творчество «Сарапульского Чехова» до уровня бытового анекдота.

Рассказы рано умершего писателя, при жизни с трудом пробивавшиеся в печать, вместе с некрологами хлынули в десятки газет,

и читающая дореволюционная публика увидела в нем тонкого, лиричного, ироничного писателя и посочувствовала его персонажам в рясах, вставших в чехово-гоголевский ряд маленьких людей. И не его вина, что последовавшие военные события, а затем и революционный обвал страны нивелировал накопленные культурные ценности. И только сейчас мы начали проводить ревизию культурного наследия и ужаснулись потерям.



Откуда же прибыл Миловский на Ятскую землю? Уточнить место рождения Миловского, как и прочие факты его биографии, было непросто. Сам Сергей Николаевич мало что помнил о родителях, и путаница в его биографии прочно поселилась в энциклопедиях и справочниках.

По мнению большинства историков, он был уроженцем Нижегородской губернии. Нижегородские священники Миловские описаны в книге С. М. Миловской, владимирские — у А. С. Грамматина. Я связалась с авторами. Но пензенских корней Миловских мы не нашли, хотя есть много географических точек пересечения родов. Очевидно, общих прародителей Владимирских, Шуйских, Нижегородских династий Миловских следует искать в XVII–XVIII веках.

В Нижегородском архиве на страже информации стеной встала суровая дама-архивариус, и ничего добыть бы не удалось, если бы не разрешил директор «учительнице с Урала» бесплатно посмотреть фонды. Для разгадки пришлось ехать в Арзамасский филиал ЦАНО. Здесь Сергей Николаевич служил мало, больше болел. Приступы неврастения, первая попытка самоубийства, медленное выздоровление. Возле архива я увидела развалины духовного училища. В самом архиве, обитавшем в бывшем храме, была невероятная высота и приятная прохлада. Умница-директор поняла меня с полуслова.

И вот передо мной ожидаемые находки: прошение о службе, копия свидетельства о рождении С. Н. Миловского в селе Сермане Пензенской губернии.

Теперь с легким сердцем можно ехать в Пензу. Архив Пензы встретил с пониманием. Милейший директор, Татьяна Алексеевна Евневич, поначалу удивилась: писателя Миловского здесь не считали пензенским. Смотрим метрические книги, клировые ведомости села Серман. Нет Миловского! Ну и удар! Пытаюсь понять, где я ошиблась. Автоматически просматриваю метрические книги всего прихода. Вдруг в селе Вороновке Городищенского уезда вижу метрическую запись о рождении Сергея Миловского. Не верю глазам: как, почему Вороновка?! А Серман? Для меня до сих пор это загадка, но объяснение ей будет, я уверена. Возможно, в село Серман после смерти родителей взял ребенка старый родственник-священник, любовно описанный писателем в автобиографическом рассказе «Старенькая церковь». Хотя Елеонский назвал то село Куракино. Есть такое село, даже два. Поди разберись, о каком идет речь.

Итак, в самом центре земли русской перекрестились родословные — симбирские, пензенские, нижегородские, саранские... Сергей родился на богатейшей пензенской земле, давшей стране творцов-созидателей первой величины — В. О. Ключевского, М. Ю. Лермонтова, А. И. Куприна, А. И. Радищева. В тихой пензенской деревне Вороновка Городищенского уезда у 25-летнего священника церкви Тихвинской богоматери Николая Миловского и 21-летней дочери Александры Пензенского благочинного из Больших Ижмор Иллариона Масловского 18 сентября (ст. стилия) 1861 года родился первый сын Сергей, окрещенный 19-го сентября в той же

церкви. В поисках родословной писателя трудно было не заметить такую колоритную фигуру, как Никанор Миловский, священник Городищенского прихода, который в 1808 году по велению сердца открыл у себя в доме начальное училище (школу), чем заслужил награду епархии — бархатную фиолетовую скуфью. Пока нет доказательств, что он прадед нашего писателя, но хочется верить, что тягу к образованию и педагогике Сергей унаследовал именно от прародителя. Через два года у Сергея появится брат Алексей... Что за напасть в виде испанки или другой беды случилась в 1864 году, архивы еще не открыли, известно лишь, что Сергей осиротел.

Прославив смотрителя, Елеонский тем не менее внес много путаницы и огорчений в жизнь Миловского. Так же непросто идет краеведческий поиск. Зато родня по матери — Масловские — это кладезь информации. И какой! Сам свекор Илларион Венедиктович Масловский — протоиерей села Большие Ижморы — прославлен в памятных книгах Пензенской губернии. Имел двух дочерей и четверых сыновей-священников. Один из них, Василий, поборник трезвости, зарублен топором пьяницей-



односельчанином. У другого, Филиппа, был сын — преподаватель, затем ректор Пензенской семинарии, Стефан Филиппович Масловский, двоюродный брат Сергея. Думаю, не без его протекции сирота имел казенное обеспечение, общежитие, прекрасно окончил семинарию и получил направление в Казанскую академию. Другой дядя — легенда и любимец Саранска, Алексей Илларионович Масловский — священник, благочинный, просветитель Саранска, открывал школы, гимназию, библиотеки. Был кроток, ласков, справедлив к прихожанам, ценил образованность и культуру. Умер рано, заразившись при соборовании холерного больного. Много черт этого замечательного просветителя унаследовал его племянник Сергей Миловский.

Жена Масловского, очевидно, происхождением была из Симбирской губернии, так как на крестинах Сергея с ее стороны был священник Петр Егоров из с.Папузы Корсунского уезда Симбирской губернии (прадед писателя?). После поездок в архивы родословная Миловского увеличилась сразу на 25 лиц.

Историки считают, что вспомнить талантливого писателя мало, памятником или мемориальной доской не обойтись. Нужно формиро-

вать и развивать выгодные в разных смыслах новые/старые «культурные гнезда», создающие позитивное притяжение в малых городах. Только это может остановить разрушение духовности капитализирующегося общества, трагедию человеческой души.

Мы разработали проект «Хрустальное яблоко», чтобы освятить благолепием разоренное гнездо — училище, где ждет своих читателей и мается дух писателя Миловского. Весной 4 марта в Сарапульской школе №4 успешно дебютировал моноспектакль по этому рассказу Миловского, который исполнил народный артист Удмуртии Е.Е. Потапов. Есть сценарии по рассказам Миловского, и мы надеемся на их сценическое воплощение. Однако в погоне за конъюнктурой ни удмуртские, ни пензенские театры не торопятся вспомнить старинного земляка. Безрезультатным было обращение в управление культуры Сарапула и Пензы за помощью в переиздании великолепных произведений Миловского. Хотя тратятся громадные суммы на массовые зрелища весьма низкого качества и провинции навязывается не свойственная русским традициям эрзацкультура. А тем временем в брошенных старинных гнездах гуляет ветер. И бродит пух и жлет освобождения... 

Гениальный земляк Миловского В. О. Ключевский, ушедший тремя месяцами раньше него, наметил для потомков замечательный план для возрождения. «История — не учительница, она надзирательница, которая наказывает за ошибки... Мы еще не начинали жить в полную меру своих народных сил. Накопленный запас народных средств — это плоды многовекового труда наших предков, результаты того, что они успели сделать. Нам нужно знать, чего они не успели сделать; их недоимки — наши задачи, т. е. задачи вашего и идущих за вами поколений. Наше прошлое оставило нам такой обильный запас ошибок и пороков, что нам достаточно не думать и не поступать, как наши предки, чтобы стать умнее и порядочнее, чем мы теперь». Ведь так просто!

Сарапуль. Кладбищенская Гора.



Последнее слово жандармского капитана

Алексей Яловенко

Фотографии предоставлены автором

В Верхнеуральском политизоляторе (Челябинская область) после войны содержались палачи молодогвардейцев Краснодона, в их числе — капитан жандармерии Эрнест-Эмиль Ренатус.

История «Молодой гвардии», действовавшей в г. Краснодоне во время Великой Отечественной войны, широко известна. Приведу только некоторые моменты.

Ворошиловград был захвачен немецко-фашистскими и итальянскими войсками 17 июля 1942 года. Сразу после вступления немецких и румынских подразделений в г. Краснодон на стенах домов, заборах и столбах был расклеены приказы оккупационных властей такого содержания: «Приказываю явиться на регистрацию всем коммунистам, комсомольцам и евреям. За неявку — расстрел». «Запрещаю появляться населению на улицах после 6 часов вечера. За невыполнение — расстрел». Для поддержания так называемого

«нового порядка» был создан огромный карательный аппарат. Более 50 различных карательных органов действовало в области. Особая роль на территории Донецкого бассейна отводилась жандармерии.

В начале августа 1942 г. один из отрядов жандармской команды в составе около 200 человек прибыл в Ворошиловградскую область и был повзводно дислоцирован в крупных населенных пунктах. Местом резиденции начальника Ровеньского округа вначале был определен г. Краснодон, а командование взводом возложено на члена фашистской партии, капитана жандармерии Эрнста-Эмиля Ренатуса (1894 г. рождения, уроженца деревни Ауэргамлер Шварценбергского округа Германии). Вскоре,



Алексей Федорович Яловенко

Ювелир, краевед, коллекционер минералов. Долгое время был помощником депутата Госдумы. Работая в архиве ГУВД, собрал большой материал об узниках политизоляторов Челябинской области. Недавно в Челябинске небольшим тиражом вышла его книга «Тайны Верхнеуральского политизолятора» (в 2-х ч.). Предлагаемые очерки написаны автором по материалам архива.

ЧЕЛЯБИНСКАЯ ОБЛАСТЬ



◀ На скамье подсудимых (слева направо): эсэсовец фон Панвиц, П. Краснов, С. Краснов, А. Шкуро, Т. Доманов и Султан-Гирей Клыч



▲ Немечкая биржа труда, сожженная молодогвардейцами

однако, в связи со служебным повышением Ренатуса в должности до заместителя командира жандармского отряда и переводом его в г. Красный Луч для координации карательных акций часть взвода была перебазируется в г. Ровеньки. Но Ренатус успел оставить о себе в Краснодоне черную память.

Уже на второй день пребывания в городе он вызвал начальника районной полиции В. А. Соликовского для доклада и дал указание сформировать «украинскую полицию» и очистить город от евреев, коммунистов и других антигермански настроенных лиц.

Выполняя указание, Соликовский в короткий срок пополнил штат полиции, доведя его до 150 человек, и организовал в поселках Изварино, Ново-Александровка и Первомайка полицейские участки. По требованию Ренатуса была открыта районная школа полиции, в которой обучалось около 40 полицейских, проверенных в политическом отношении и пригодных к работе в полиции по состоянию здоровья.

Стремясь закрепить на захваченной советской территории, гитлеровцы направили все силы разведывательных и карательных органов и коллаборационистов, прежде всего, на ликвидацию коммунистического подполья. Было арестовано и частью расстреляно более 150 подпольщиков и партизан.

Следует отметить, что патриотическая деятельность «Молодой гвардии» вызвала симпатию у местного населения и все больше и больше беспокоила гитлеровцев и их пособников. К населению обратился бывший белогвардейский генерал Краснов, в том числе с предложением воевать казакам на стороне фашистов.

Выполняя директиву Краснова, Краснодонская группа (в районе насчитывался 21 казачий хутор, ранее относившийся к Гундовской станции Войска Донского), обязала сельских старост обеспечить прибытие казаков соответствующих возрастов на парад в военной форме, с установленными знаками различия и при орденах. Парад состоялся 24 октября 1942 г. в Краснодоне. На торжестве присутствовали 20 представителей немецкого военного командования и местных органов управления. После молебна за здоровье казаков и скорую победу германской армии было зачитано и принято приветственное письмо Адольфу Гитлеру, предварительно согласованное с немцами и одобренное офицерами жандармерии. Вот его полный текст.



*«Рейхсканцлеру Великой Германии
Вождю Европы господину Адольфу Гитлеру.*

Главная квартира Фюрера

Мы, донские казаки, остатки уцелевших от жидовско-сталинского жестокого террора своих соотечественников, отцы и внуки, сыновья и братья погибших в ожесточенной борьбе с большевиками и замученных в сырых подвалах и мрачных застенках кровожадными палачами Сталина, шлем Вам, Великому Полководцу, Гениальному Государственному Деятелю, Строителю Новой Европы, Освободителю и другу Донского казачества, свой горячий Донской казачий привет! Сегодня мы собрались по инициативе нашей районной власти и представителей Германского Командования на торжественный праздник, посвященный



◀ Бывший бело-говардейский генерал
П.Н. Краснов

нашему освобождению от жидовско-коммунистической тирании, чтобы продемонстрировать наши горячие симпатии и дружбу с Германским народом и Победоносной Германской Армией.

В тяжелых муках и страданиях прошли для нас, донских казаков, двадцать два года владычества большевистской власти. Большевистские палачи не могли простить нам нанесенными нами им обид. А эти обиды были поистине велики. Не один комиссар испытал на своей собственной шкуре силу казачьего удара штыком и пашкой и меткость артиллерийского огня в 1918–1920 годах, когда мы бились за честь казачью, за свою родную землю, за вольную жизнь, за спокойствие нашего горячо любимого батюшки Тихого Дона против большевиков.

Мы дрались тогда под командованием нашего любимого полководца Атамана Войска Донского, казака — генерала Петра Краснова, под знаменем прославленного Гундоровского Георгиевского полка и под оваянным боевой славой знаменами других донских казачьих полков. Костями наших дедов и отцов, сыновей и братьев усеяны обширные поля Русской и Донской земли, богато они политы нашей горячей казачьей кровью.

В неравной борьбе мы были побеждены, но непобежденным остался дух наш и непреклонна наша воля к дальнейшей борьбе. Именно за это многие наши казаки изгнаны в далекие места пустынной Сибири, на суровые острова Северного и Белого морей, они рассеяны по всем странам земного шара, волею судьбы томятся в лагерях военнопленных.

Наши станицы и хутора опустошены и разграблены алчными жидовскими руками, дворцы наши заросли сорными травами. Нас, казаков Краснодарского района, насильственно присоединили к Украине и сделали невольными украинцами. Но где бы ни томился наш донской казак, он твердо верит, что скоро наступит конец сталинско-жидовскому деспотизму. Над нашей истерзанной Родиной уже взошло яркое солнце свободы, о которой мы долгие годы мечтали. Германский народ и Германская до-

блестная Армия под Вашим гениальным руководством, дорогой фюрер-освободитель, навсегда вырвали нас из когтей хищного зверя Сталина и его приспешников. Уже свободно текут голубые воды Тихого Дона, радостно вздыхают огромные донские степные просторы, и, как и прежде, несутся по ним удалые песни свободных, вольных и счастливых донских казаков.

Никогда больше не вернется ненавистная жидовско-коммунистическая диктатура. Мы, донские казаки, готовы в любую минуту взять в руки оружие и вместе с благодарными, славными солдатами Великой Победоносной Германской Армии громить беспощадно коммунистическую заразу до полного ее уничтожения.

Смерть Сталину и его опричникам! Хайль Гитлер! Да здравствует Гитлер! Да здравствует наш организатор и полководец казак-генерал Петр Краснов! За окончательную победу над нашим общим врагом!

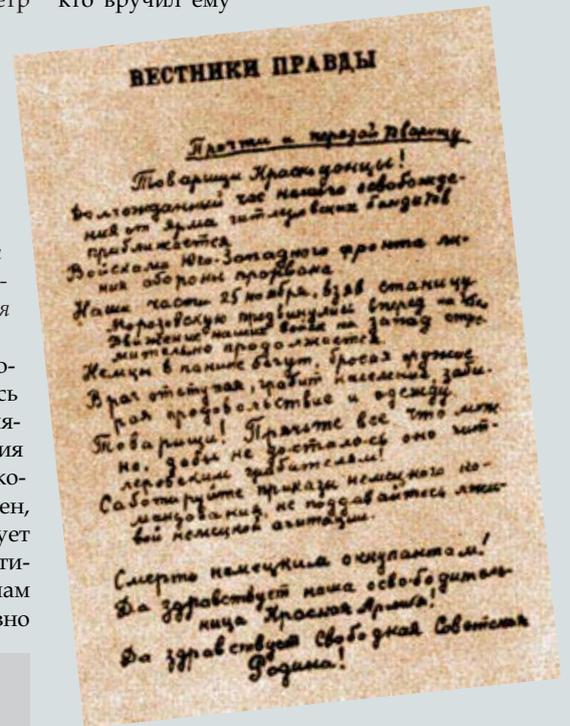
За Тихий Дон и донских казаков! За германскую и союзные Армии! За вождя Новой Европы Адольфа Гитлера — наше мужее, сердечное казачье «ура!»

От участников праздника и от имени 80-тысячного населения Краснодарского района голова районной управы, г. Краснодар, 23 октября 1942 г.»

В то же время на оккупированной территории развернулась и подпольная борьба с завоевателями. Как показал во время следствия бывший начальник краснодонского жандармского поста Отто Шен, «... было ясно, что в городе действует организованный подпольный партизанский отряд, но выявить его нам долго не удавалось. Я каждодневно

требовал от начальника полиции Соликовского и его заместителей... усиления борьбы с советским патриотическим движением. Мы сбились с ног, но не могли найти следов подпольщиков».

Молодогвардейцы попались на краже. Был совершен налет на немецкую машину с новогодними подарками. Жандармерия бросила все силы на поиск похитителей. По указанию гауптвахмистра Зонса Соликовский и его заместитель Захаров организовали круглосуточное патрулирование и установили наблюдение за квартирами подозреваемых. И вскоре на рынке полицаи схватили подростка М. Пузырева, продававшего немецкие сигареты, похищенные молодогвардейцами в ночь с 26 на 27 декабря 1942 года. После трех суток допросов мальчик не выдержал издевательств и назвал тех, кто вручил ему



Молодогвардейская листовка ▶
Надпись на тюремной стене ▼





▲ Молодогвардейцы Виктор Третьякевич (слева) и Евгений Мошков (справа)

сигареты для продажи, а именно Е. Мошкова и В. Третьякевича. Далее пошли остальные аресты. В начале января 1943 года были арестованы почти все молодогвардейцы. Для расправы над ними привлекли команду численностью более 70 человек.

Служебные помещения краснодонской полиции превратились в камеры страшных истязаний. Жандармы, прибывшие в составе карательной команды из г. Магдебурга, имели секретную инструкцию, предписывавшую им применять всевозможные «меры физического воздействия» при допросах арестованных. И каратели выполняли их усердно.

В январе 1943 г. Ренатус отдал распоряжение расстрелять краснодонских подпольщиков-молодогвардейцев. О своем приказе Ренатус вспоминал на допросе: «Я давал окружному руководителю Веннеру

указание о расстреле не только коммунистов и евреев, но и комсомольцев в Краснодоне, указав на то, что их следует подвергать «особому обращению» (то есть расстрелу), если они изблечены в совершении актов саботажа и поджоге биржи труда, вывешивании флагов на здании промышленности и в распространении листовок в городе, а также в попытке разграбить армейскую машину».

В кровавой акции приняли участие жандармы Зонс, Айхгорн, Кляйн, Ледер, Эрвин, Ян, голова горуправы Стаценко, Соликовский, его заместители Захаров и Подтынный, полицейские Давиденко, Бауткин, Изварин, Лукьянов, Марченко, Мельников, Шкуркин и др. Холодными темными ночами 15, 16 и 31 января 1943 г. каратели сбросили молодогвардейцев в 52-метровый шурф шахты №5.

После освобождения советскими войсками Краснодонского района сразу же начались розыски коллаборационистов, в том числе сотрудников немецкой полиции. Некоторые из них вскоре были арестованы. Основную же часть удалось привлечь к ответственности лишь после Великой Отечественной войны.

Одновременно с выявлением коллаборационистов советские чекисты активно занимались розыском

гитлеровцев — членов жандармской команды, причастной к кровавым злодеяниям и зверским расправам над местным населением. Капитан жандармерии Эрнст-Эмиль Ренатус был арестован 18 ноября 1945 г. и переправлен в г. Люнбых (Саксония). 27 ноября помещен в лагерь Баутцен, расположенный в советской оккупационной зоне.

При помощи советской военной контрразведки и службы госбезопасности Германской Демократической Республики советскими чекистами были разысканы и арестованы жандармы Отто Шен, Отто Дрецитц, Гидо Штрупперт, Вальтер Айхгорн, Эрих Шредер, Якоб Шульдц и другие.

Все нацистские преступники, оказавшиеся после второй мировой войны в руках советского правосудия, были приговорены, согласно существующим по тому времени законам, к различным срокам тюремного заключения. 17 декабря 1955 г. группа осужденных, в том числе выше названные (скорее всего, все они отбывали срок в Верхнеуральском политизоляторе), были переданы правительству ГДР. Но среди переданных не было Ренатуса. Эрнст-Эмиль Ренатус умер 8 апреля 1950 г. в Верхнеуральской тюрьме. **УС**



ИЗ ПОКАЗАНИЙ Э.-Э. РЕНАТУСА:

«... С первых дней оккупации германскими войсками Краснодонского района там развернулась борьба советского народа против германских властей. Осенью 1942 года сжигались на полях скирды хлеба. Срывались мероприятия немецких властей по заготовкам хлеба, мяса и других продуктов питания для германской армии. Население уклонялось от работ по ремонту мостов и дорог. Молодежь избегала мобилизации на работы в Германию, распространялись листовки антифашистского содержания, которые призывали советских людей вести беспощадную борьбу с немецкими властями. В городе Краснодоне была сожжена немецкая биржа труда, в день советского праздника 7 ноября патриоты вывесили красные флаги... Все эти действия наводили нас на мысль, что в Краснодонском районе действует подпольная организация. Мы считали, что этим делом руководят коммунисты, и в первую очередь уничтожали их. Однако борьба против нас продолжалась... Я признаю себя виновным в совершенных мною преступлениях против советского народа. Сегодня я в них глубоко раскаиваюсь... Как немец, я чувствую свою вину в войне, так как я должен был отказаться от службы... Я боялся применения ко мне мер, которыми пользовалась германская полиция. В настоящее время я полностью доверяю ГПУ и не умалчиваю ничего, если даже моя вина будет большой. Я прошу милости при вынесении наказания...».

Наступательная инновационная политика предприятий оборонно-промышленного комплекса, внедрение передовых технологий - залог успеха модернизации и создания современных образцов вооружения и военной техники, перспективного облика Вооруженных Сил России

R U S S I A N E X P O A R M S 2 0 1 1

РОССИЙСКАЯ ВЫСТАВКА ВООРУЖЕНИЯ. Нижний Тагил-2011

8-11 сентября 2011 г.



VIII МЕЖДУНАРОДНАЯ ВЫСТАВКА ВООРУЖЕНИЯ, ВОЕННОЙ ТЕХНИКИ И БОЕПРИПАСОВ

ГЕНЕРАЛЬНЫЕ СПОНСОРЫ:



ВНЕШЭКОНОМБАНК



НОВИКОМБАНК



РОСЭКСИМБАНК



август
2011

Аэлита

50

Законь Вселенной

СЕРГЕЙ ОНИЩУК
Однажды в Вустере **50**

АЛЕКСЕЙ ПРИБИТКОВ
Если завтра война **56**

АЛЕКСЕЙ ШОЛОХОВ
Тринадцатый раздел **65**

70

Координаты чудес

ЮРИЙ ПОГУЛЯЙ
Яблоко **70**

75

Повод для улыбки

АЛЬБЕРТ ШАТРОВ
Дорога на Марс **75**

Сергей Онищук

Однажды в Вустере

Солнце вот-вот взойдет, а у меня в кармане уже лежит глаз. Самый настоящий, голубой, с кровавыми прожилками, аккуратно завернутый в тряпочку. Кровавые прожилки — это важно. Для этого нужен свежий, особый труп. Мне не нужен глаз утопленника или тихо почившего примерного семьянина. Глаз принадлежит удавленнику Бигтсу, тому самому, что промотал состояние, наделал долгов и лучшим выходом счел веревку, а не пулю, что странно для человека благородного. Поговаривали, веревку помогли надеть жадные кредиторы, что разом объясняет все странности, но дело это темное, а сам Бигтс, увы, ничего не скажет. Зато его правый глаз теперь у меня, покойному он все равно ни к чему, а мне пригодится. Бжевый плащ перегадкан землей и глиной, что расстроит прачку, а родинка в виде восьмерки болезненно пульсирует — моими усилиями резко вылетевшая доска гроба сильно ударила по плечу.

Закопав могилу и закидав ее венками, я же не осквернитель, слышу, как сонно брешет кладбищенский пес. Рассыпаю перец и табак. Так, на всякий случай. Машу веткой омель, сплевываю.

Надо успеть до рассвета, слышится гудок утреннего экспресса на переезде.

Кладбище, длинная аллея, сонные улочки.

Проковылял почтмейстер, ранняя пташка, но я уже далеко.

Чем Вустер, пасторальный городишко, что под Бирмингемом, привлек мое внимание — не знаю. Те же домишки, как и везде, те же жители, та же древняя история. Старая добрая Англия. Здесь каждый камень помнит то поступь римских легионеров, то перестук друидских посохов. Ну и конечно: лязг мечей алых и белых роз



Онищук Сергей Петрович

Родился в 1978 году в городе Вильнюс, где проживает по сей день. Закончил технический университет по специальности инженерная информатика, математическое моделирование. Доводилось работать как почти по специальности (системный администратор, техник по компьютерам), так и в совсем других, менее интеллектуальных сферах (на стройках). Писать начал с 2006 года. Первая публикация в одесском журнале «Азимут». Периодически участвует во всевозможных литературных конкурсах.

да вопли диких пиктов. Но все давным-давно впиталось в дорожную пыль, буйный дух тех времен ушел вместе с Римом и норманнами, и только замшелые камни крепостных стен иногда постанывают в такт ветру: мы были, мы помним.

Итак — Вустер. Липы, акации, пивные с дубовыми столами, клуб, пара церквушек, колокол поутру и грязь под ногами во все дни, кроме лета. Римляне в городке не задержались, а доблестные рыцари всех мастей и во все времена занимались не устройством страны, а другими, более занятными делами.

У меня встреча в булочной. Так удобно. Там каждый второй четверг ждет меня плюшевый Эд, иногда мне очень нужны его услуги.

Плюшевый Эд курит табак с примесью гвоздики и бьет туза с десяти шагов. Но если запах табака чувствуется сразу, то в его стрелковые таланты посвящены немногие. Впрочем, это скорее хобби, ведь у каждого уважающего

себя джентльмена должно быть хобби. А плюшевый Эд — истинный джентльмен. Дамочки из церковного хора могли бы добавить полушепотом — джентльмен удачи. Но Эд никогда не плавал на судах Ее Величества и уж точно не ходит в церковь, посему и возразить им, увы, не может. Плюшевый успешно режет острой монетой сумочки у тех же дамочек и ни разу не попался ушлым законникам: двухметровый громила с лицом благообразного аптекаря не похож на мелкого карманника.

Все было как всегда.

В булочной «У Барри», Плюшевый Эд, склонясь над прилавком, долго изучал особо вывернутый крендель с корицей, зыркая туда-сюда цепкими серыми глазенками, деланно не замечая меня. С этими типами нужно держать ухо востро. Не потому что он опасен, вовсе нет. Плюшевый Эд и мухи не обидит, а что до роста, так скажите спасибо его отцу, спившемуся длинноногому боцману-ирландцу с лошадиным лицом.

— Ну, — хрипло, с чуть заметным гэльским акцентом, обращается ко мне Эд.

Я поставил кофе на поднос и свернул утреннюю газету.

— Экспресс Бирмингем — Портсмут сошел с рельсов в районе Ньюбери.

— И? — оживляется Эд.

— Жертв нет, — спокойно говорю я.

— Твоя работа, что ли, Логан?

Я загадочно улыбаюсь. После громкого дельца в Ипсвиче, с чертовщиной, таинственными огнями, сгоревшим священником-каннибалом и проданным младенцем, ребята из окружения Эда относятся ко мне с уважением. Мне это на руку, чем и пользуюсь. Выдуманное имя — Логан — порядком меня раздражает, но в последнее время оно стало служить своего рода визитной карточкой. Особенно, после того как я нашел фамильную драгоценность сэра Джонаса, эсквайра, профессионального игрока, мота и дуэ-

лянта. Драгоценность, специально спрятанную от меня самим эсквайром...

— Принес? — спрашиваю верзилу.

— Будто карман жжет. Вот.

На столе появляется небольшой сверток. Кладу руку сверху, внимательно смотрю на Эда.

— Точно, оно.

— Смотри, доберется до тебя прыткий молодчик из Скотленд-ярда, — шутит Эд.

Мы оба улыбаемся.

Интересно, что бы бы сказал любопытный шпик, появившись вдруг внезапно здесь и обнаружив отполированную до блеска кость коленной чашечки?

Даю Эду золотой сверток, кладу сверток в карман.

— Еще одно задание, — протягиваю Эду записку. — Сделаешь, как написано, получишь сотню фунтов.

Тот кивает. Сто фунтов — это на редкость лакомый кусок, а невыполнимых и очень уж аморальных, «мокрых» заданий я джентльмену не предложу, и это он знает. Мы — джентльмены, а значит — уважаем друг друга.

Выходим из булочной.

— Логан, смотри, — распахивает он полу плаща. Новехонькая шестизарядная машинка с клеймом «Хартфорд» висит на ременной петле.

— И зачем? — развожу руками я.

— Не надо? Вчера в покер выиграл. Думал, человеку твоей профессии... — поясняет Эд.

— А какой именно я профессии? — спрашиваю деланно удивленно.

Мне самому чертовски интересно, кем меня считают в криминальном мире-ке провинции.

Эд, называемый плюшевым из-за легкого пуха по всему лицу, отводит глаза.

— Доктор, — наконец выдавливает он.

Очень хочется достать из кармана замотанный в тряпочку глаз покойного Биггса и посмотреть им на Эда: интересно, как вытянется его лицо?

Но я одобрительно хлопаю Эда по плечу, бросаю: — Верно. Ридли Холл, медицина, — и ухожу.

Я снимаю комнату на Кравл-стрит, в левом крыле дома с номером семь, что под зеленой крышей: как раз над мистической лавкой мадам Лиллиан. Старая гадалка денно и ночью трясется над хрустальным шаром и всерьез верит, что мистические потоки энергии от ее бижутерии положительно влияют на соседей. И могут повредить недоброжелателям. Я всецело ее поддерживаю, иногда, за общим завтраком, поддакиваю и делюсь некими якобы откровениями из снов. Поэтому цена съема у меня гораздо ниже, чем у соседа в правом крыле. Сосед, военный чин невысокого ранга на пенсии после ост-индской кампании, говорит мало, и видим мы его редко. Лишь однажды он поинтересовался, где это я приобрел такой замечательный загар, уж не в британских ли колониях. Узнав, что всему виной Египет, а в оружии и лошадях я совсем не разбираюсь, он потерял ко мне интерес.

Да, страна пирамид дала мне загар, лихорадку и сумку, набитую безделушками. Глиняные и керамические божки как Египта, так и смежных с ним Ассирией, Ниневией и прочих Мидоперсов как-то сразу привлекли внимание мадам Лиллиан.

— Не оригиналы, не храмовая утварь, ну что вы. Просто искусные копии, — совершенно искренне ответил я тогда, поглаживая статуэтку крылатого быка.

Мадам не поверила.

Убеждать я не стал.

А получив от меня в подарок несколько особенно уродливых идиолов, мадам перестала навещать ко мне в гости в мое отсутствие. Кажется, она стала мне в чем-то доверять.

А может, просто наткнулась на несколько книг с символикой каббалы и решила оставить меня в покое.

Вообще, все началось десять лет назад.

Тогда я был юн, грезил наукой и мистикой, исследовал теологию и оккультные науки — все, до чего могла дотянуться моя душа. Самым большим открытием стало познание истины — а именно то, что вся гигантская куча навоза под названием «оккультизм» — в основном ересь и плод богатого воображения шарлатанов. Вторым открытием и еще большим удивлением стало нахождение нескольких жемчужин в этой смердящей куче. Открытия не делаются случайно, как не рождаются случайно великие законы. Упало яблоко на голову не Ньютону, что годами исследовал законы природы, а беспутному студизусу-гуляке, ничего бы не произошло. Шишка, не более. Так и в моем случае — ростки странного, неподвластного, выходящего за рамки однажды все-таки вззошли. Ведь я посвятил этому многие годы.

И тогда я впервые увидел ее. Схему.

Рисунок на истлевшем пергаменте говорил о некоем мистическом создании. А продававший хиромант мне клятвенно уверял, что это служит для вызова волшебного слуги. Он ошибался. Но схема — работала.

Криво, косо, с кучей условий, часть из которых я так и не смог определить.

И схема не вызывала волшебного слугу, голема или кобольда.

Она просто приоткрывала крохотную щелочку в другой мир.

Каюсь, увиденное сначала было списано мной на воскуриваемый опий и вонь от свечей из змеиного жира с примесью гашиша. Окошечко открылось на неполную минуту. И, как замороженный, я смотрел на грустного усатого человечка в шляпе и с тростью. Как он падает, встает, снова падает, как гоняется за ним полицмейстер и как веселее смеются люди в громадном зале. Потом видение пропало.

А повторить опыт мне не удавалось почти полгода, а когда я понял, что

именно надо, в моей жизни возникли Сирия, Греция, Эфиопия, Тибет и, наконец, Египет.

Зато потом... примерно раз в месяц, я смотрел картины другого мира. Иногда слышал звуки, изредка — странную музыку. Однажды — о, небывалая удача, подвигнувшая меня к новым исследованиям, — в крохотную щелку внезапным сквозняком занесло пустой стаканчик из странной бумаги. Как замороженный, я смотрел на невероятно яркие цвета синего и красного с надписью «Пепси».

Если оно могло попадать оттуда ко мне, значит, я мог воспользоваться чем-то полезным, принадлежащим другому миру.

Но окошко в иной мир открывалось редко, лишь несколько определенных дней в месяц, ингредиенты достать было нелегко, мои денежные запасы таяли, а банковские хранилища с золотом иного мира все не попадались.

Жилище мое — прихожая, общая комнатка для редких гостей и рабочий кабинет — были обычной холостяцкой берлогой. Всего было в меру: простые и удобные вещи намекали на средний достаток. Но изредка, вечерами, когда гостей никак не ожидалось, рабочий кабинет преображался.

Мебель тихонько сдвигалась по углам. Откинутый ковер открывал начерченные на досках пола фигуры...

Ритуал был отточен за многие годы. Руна Райду задавала начало пути, зажигались свечи по углам концентраторов астральных потоков, Руна Лагуз переносила точку приложения на неживое, бывшее живым и разумным, а руна Манназ указывала, что этими живыми были когда-то сын или дочь Адама...

Сегодня я решил изменить ритуал, добавив одну нотку. Я часто экспериментировал, благодаря чему и добился особых успехов. Руна Наудиз — Нужда, гармонично легла на рисунок, внося в музыку магии новый голос.

Потрескивали фитильки, дым складывался в причудливые эфемерные создания, что рождались и умирали, словно мифические фениксы, луна слепо шарилась желтыми лапами лучей по пентаграммам, а воткнутый в подсвечник вырванный глаз покойного Биггса заискрился, открывая передо мной очередное окно в другой мир.

Окно получилось большим. И что самое удивительное — объемным.

Пахнуло... ладаном и сыростью. Знаете, тот запах деревянных скамей и сквозняка, что присущ большим древним зданиям.

Потом я увидел знакомое.

Лавки, лавки, лавки рядами. Подсвечники на стенах и алтарь.

Мистический эксперимент и руна Наудиз привели мой пытливый разум прямо в церковь.

Я никогда не был святотатцем, я прежде всего ученый. Но серебряное распятие, очень тяжелое, казалось, само холодно легло в мою руку.

«Получилось!» — заорал кто-то внутри меня.

Хотелось ворваться к мадам Лилиан и сплестись с ней дикую джигу, растормошить соседа-военного, влить в себя пинту виски, чокнувшись с Плюшевым Эдом, и все это в один момент. Но на дворе царилась ночь. А то, чем я занимался, вряд ли получило бы одобрение у честных христиан.

Уняв буйную радость и дрожь в теле, я направил светящийся контур окна в сторону массивных статуй, что служили скорее украшением, нежели церковным атрибутом. Рыболовная сеть, связка ключей: кажется, это был апостол Петр, — скорбный лик святого безучастно смотрел на меня.

Свеча, зашипев, стала гаснуть. Окно же — стало захлопываться.

А я с удивлением обнаружил, что сжимаю в руках распятие, стоя на коленях перед апостолом Петром.

«Только бы выдержало перекрытие» — мелькнула запоздавшая мысль. Каменные ноги святого грузно надавили на пол. Балка скрипнула. Я старался не дышать. Слава кровельщикам, статуя не рухнула вниз сквозь пол, прямо в лавку к мадам Лиллиан, добавляя этим самым еще больше мистики и загадочности ее имиджу.

Я в бессилии уселся на пол, затушив остальные свечи. Ритуал полностью вымотал меня, но результаты впечатляющие: фунтов с двадцать чистого серебра и на глаз тонны две холодного камня.

Совершенно вымотанный, я спустился к завтраку. Затем, отправившись на прогулку по городу, посетил всех местных ювелиров, узнавая цены на серебро. Наконец, один из менял предложил мне чуть больше других и я оставил ему свой адрес, договорившись на следующий день.

В лавке портного купил рулон льняной ткани. Что делать с массивной статуей в центре комнатки, я не знал, не знал и как объяснить сей факт мадам Лиллиан. Но замаскировать статую все же счел необходимым.

Придя домой, рухнул в постель и спал как убитый до вечера.

Зато выспавшись и нацелив астролябию на вечернее небо, высчитал, что вчерашний проход в новое окно возможен и сегодня.

А это значит, что мне нужен не банальный глаз повешенного в роли проводника «туда». Свежий, не больше трех дней, труп ребенка, желательнее девушки. Именно об этом гласила вчерашняя записка. Почему именно мертвое срабатывало для схемы — не знаю. Мистик во мне говорил об еще не разорванных тонких связях с двумя мирами, алхимик — о квинтэссенции чайный живых, ставших мертвыми, теолог же вопил — остановись, безумец!

Остановиться я не мог.

И мне был очень нужен Плюшевый Эд. И он не подвел.

— К вам гость, мистер Логан, — с недовольными интонациями сказала мадам Лиллиан.

От Эда разило потом, пивом и чесноком. Он тоже выглядел очень недовольным. Тяжеленный мешок висел у него за спиной, и я знал, что в нем лежит.

Плюшевый дождался, пока мадам Лиллиан спустится вниз, и лишь тогда занес свою ношу из прихожей в комнату.

— Только из уважения к вам, мистер Логан, — буркнул он, пряча в карман сотню фунтов.

— Было сложно?

— Не то слово. Ищейки словно взбесились. Рыскают по всему городу. Виданное ли дело, кто-то разорил могилу скряги Бигса, а самого его порезал на мелкие кусочки, — произнеся это, Эд с интересом уставился на меня.

— И все?

— Еще кто-то ограбил храм. Серебряное распятие, очень похожее на то, что висит сейчас у вас над кроватью. А еще статую кто-то спер оттуда же. Каменную. Зачем ворами понадобился этот хлам, который не каждая лошадь утащит... — задумчиво произнес Эд, глядя на закрытое тряпками сооружение в центре комнаты.

Из-под льняной ткани торчал каменный сандал святого. Хорошо задрапировать его так и не удалось.

«Вчерашнее окно было в наш мир, в место, что совсем рядом. Какая досада!» — подумал я.

— В Ридли Холл не учат медицине, — неожиданно прохрипел Эд, — там готовят теологов и философов. Удачи!

Я удивился, к чему это, но Эд, прогромыхав по лестнице, покинул дом.

Пожав плечами, я решил приступить к ритуалу.

И тут в дверь негромко постучали.

— Из ювелирной лавки по поводу серебра, — жалобно проблеял кто-то за дверью.

Я предпочел этого не заметить. Меняла приперся совсем не вовремя, а ка-

менный святой по центру комнатушки выдавал меня с потрохами.

Блеяние с той стороны прекратилось.

В дверь грубо, требовательно забарабанили. Мадам Лиллиан на страже своих владений молчала, что настораживало еще больше. Выглянув из окна, я увидел маячившего внизу пристава, затем еще одного.

— Откройте! Именем закона!

Дверь вновь задрожала от ударов.

Что делать? — такой вопрос часто посещает людей в ситуациях критических. И выбор у меня был только один.

Из мешка, принесенного Плюшевым Эдом, вывалился труп ребенка — еще один заманательнейший сюрприз для полицейских ищек.

Ритуал был отточен, но выдержит ли дверь?

Кисточка мазнула тушью по трупик, вычерчивая знаки. Статуя святого мешалась, закрывая часть фигур, но я надеялся, что, даже закрытые могучими ступнями апостола, они сработают.

Затрещали свечи, и я впелел в музыку магии еще одну новую руну. Совилу — руну солнца. И да осветит она мой путь.

Я шагнул в проход, и яркий свет сжался в малую точку и исчез, отрезав меня от привычной старой доброй Англии.

Наконец, дверь, не выдержав, треснула. Охнула внизу мадам Лиллиан.

Но ворвавшиеся полисмены не нашли в комнате никаких следов мистера Логан: теолога, алхимика, спиритуалиста и мистика.

Точка же разрасталась, превращаясь в черточку, потом в полоску, потом в линию.

Потом раздался кашель.

Ухнуло.

Ухнуло еще раз, но уже ближе. Пол, а я очутился в чьем-то пустом доме, затрясся.

Посыпалась штукатурка.

Подойдя к окну, я увидел польхающее соседнее здание. Еще меня удивили

висящие в небе десятки огромных воздушных судов в форме колбас и шарящие по вечернему небу линии огней.

Что-то стрекотало. Бумкающие вдали звуки сплетались в канонаду.

По городу вслед самоходному механическому ящику с огромным оружийным стволом бежали люди в форме.

Кажется, кто-то из них заметил меня.

И в дверь комнатки снова застучали. Все более и более требовательно.

Затем история повторилась — дверь вылетела от бешеного пинка. Вслед за дверью в комнату ворвались двое.

На миг показалось — полицейские ищетки добрались до меня и здесь. Но нет.

Ворвавшиеся, с оружием на перевес, поставили меня к стенке. И только тут увиденное, по всей видимости, потрясло их.

Чадили, истекая змеиным жиром, черные свечи. Булькала разноцветная жидкость в колбах, сочилась по змеевикам, впитываясь в пентаграммы на куске дощатого пола. Его я тоже захватил с собой...

Говорили они по-немецки, я не знал этого языка, лишь отдельные слова, но скудного моего словарного запаса для понимания явно было недостаточно. Остролицый человечек размахивал руками, что-то доказывал своим спутникам, показывая на остатки ингредиентов моего ритуала. Черные свечи, черепа, вырванный глаз в подсвечнике, детский трупик, усеянный мистическими знаками, массивная статуя...

Наконец, с облегчением я увидел, как опустилось оружие в их руках.

— Аненербе? — переспросил с железным крестом на груди.

— Аненербе! — окончательно заявил человек в форме коричневого цвета.

Раздумывая, что значит это часто повторяемое слово и какую роль оно сыграет в моей судьбе, я не заметил, как стоявший сзади толстяк поднял винтовку.

Затем приклад опустился на мой затылок и свет померк.

Алексей Прибытков

Если завтра война

Я стоял перед зеркалом и рассматривал свое отражение.

— Да, Макс, ты вроде уже не подросток, а прыщи все появляются, — сказал я самому себе. — Говорила ведь тебе мама: не налегай на шоколад, а ты, дурак, никогда мамку не слушал.

За моей спиной негромко бормотал телевизор. Крутили какой-то фантастический фильм. Герой, увешанный бластерами, плазмометами и еще невесть чем, палил направо и налево. Злобные инопланетяне поодиночке и целыми группами падали к его ногам. Звездный десантник наступил на голову очередного поверженного врага, та треснула и раскололась, выпустив лужицу липкой слизи. Я почувствовал легкую тошноту.

Экран мигнул, и на секунду изображение исчезло. Фильм сменился заставкой новостей. Я выдавил прыщик и поправил челку, пытаясь скрыть красное пятно.

— Мы прерываемся на экстренный выпуск новостей.

Я обернулся. Голос ведущей странно дрожал, словно перед камерой сидела до смерти перепуганная маленькая девочка, отчаянно пытающаяся казаться храброй.

— А я тебя знаю, Машка-промокашка, — сказал я и показал изображению язык. Этот ритуал я совершал всякий раз, когда видел Марию по телевизору. Когда-то мы учились в одной школе. Маша была самой симпатичной девочкой, бессменной королевой школьных дискотек, а я... ну, скажем, едва ли она теперь вспомнила бы худенького мальчишка в очках, который все хотел пригласить ее на танец, да так и не решился.



Прибытков Алексей Александрович

(псевдоним — Алекс ТекилаZZ). Родился в г. Самара. Окончил Самарский медицинский университет. После окончания университета получил специализацию по психиатрии. Кандидат медицинских наук по специальности психиатрия, занимается преподавательской деятельностью. Еще в институтские годы пробовал силы в написании миниатюр и небольших рассказов. В настоящее время имеет более 40 научных публикаций по основной специальности и ряд опубликованных рассказов в тематических сборниках.

— Сегодня в двадцать ноль-ноль президент объявил об отставке, — сказала Мария. — Часом ранее прошение об отставке подали премьер-министр и все члены правительства.

— Маша, ты сама-то понимаешь, что полный бред несешь? Еще скажи, что в метро водятся крокодилы, а в Лужниках зеленые человечки с Альфа-Центавры торгуют. Тебе кто такой текст подсунул?

— Новым президентом и главой правительства объявлен генерал-майор Константин Викторович Дробижев, — продолжила ведущая, и голос ее отчетливо дрогнул. — С сегодняшнего дня вводится комендантский час.

На экране появился крупный мужчина с изрытым оспинами лицом. Я щел-

кнул красной кнопкой на пульте, и телевизор погас.

Вспомнился август 1991 года и ГКЧП. Мне тогда было 12 лет, и я не вполне понимал, что происходит. Помню, все говорили о вооруженном перевороте, диктатуре и танках на улицах. Но больше всего мне запомнилась фраза, услышанная в те дни по радио: «необходимо остановить пропаганду насилия и разврата, которая обрушилась на нас с телеэкранов». Отец, услышав это, раздавил окурок в пепельнице и сказал: «Все, телевизор можно выбрасывать. Эротика больше не будет, боевиков тоже, а от новостей меня уже давно воротит». Еще вспомнилась история про то, как в Америке на радиостанции зачитали отрывок из романа Герберта Уэллса «Война миров» и началась паника, люди подумали, что действительно нападают марсиане. Может, я только что стал свидетелем какого-то дурацкого розыгрыша? Хотя первое апреля давно миновало, на календаре июнь.

На самом деле, меня не волновали ни марсиане, ни военные перевороты, ни генерал-майор Дробижев. Я был изрядно пьян, а перед подъездом уже минут десять торчал такси. Если еще протянуть время, то можно и на интервью опоздать. Конечно, я довольно известный журналист и одна потерянная статья погоды не сделает, но сегодня предстоял разговор с парнем, который мне по-настоящему нравился. Правда, мы раньше никогда не встречались, но я был давним поклонником его музыки, абсолютно безумной и совершенно некоммерческой. Пожалуй, я один из немногих журналистов, с которыми наши звезды не считают зазорным общаться. А мне они не интересны. Большинство из них пустышки. Чем может заинтересовать девочка-однодневка, у которой на лбу и прочих частях тела написано, что она спит с продюсером и только поэтому стоит на сцене? Мне же всегда нравился андеграунд. Люди, для которых важнее

высказаться, излить душу, чем заработать лишнюю сотню (или тысячу, или сотню тысяч — у кого какие масштабы) долларов. С этими мыслями я зашел в лифт, спустился на первый этаж и уселся в такси.

В клубе было душно и накурено. Команда, ради которой я собственно и пришел, уже оккупировала сцену. Звучала музыка, в которой нет места теплу, где лишь пугающая ледяная красота, порождающая безысходность. Невыносимо медленный, перемальвающий разум ритм и атмосфера отчаяния, опустошенности. Что ж, именно это я и хотел почувствовать — сокрушительное дыхание мороза посреди жаркого лета. Но особенно поражал голос вокалиста, хотя не совсем верно было бы назвать голосом, скорее утробный рык, воспринимаемый не столько ушами, сколько кожей. К исходу сорока минут, отведенных на выступление группы, я почувствовал себя лежащим на обочине пустынной дороги, замеченной снегом.

Следующая группа настраивала звук, а я отправился в лабиринт служебных помещений, где у меня была назначена встреча с вокалистом «Comatose spirit». При нормальном освещении он не выглядел столь устрашающе, как на сцене, а холодный блеск его мертвых глаз исчез вместе с контактными линзами. Мы пожали друг другу руки, и я задал первый вопрос:

— Насколько я знаю, участники твоей группы не раскрывают своих имен. Как мне к тебе обращаться?

— Наши имена ни к чему, за нас говорит музыка. Называй меня Солист.

Мне всегда казался немного наивным такой образ таинственности, но если взрослые дяденьки хотят поиграть, то почему бы и нет?

— Итак, твоя группа... — начал было я, но в этот момент в клубе что-то гулко ухнуло, музыка, доносящаяся из зала, оборвалась, и наступила тишина. Свет мигнул и погас. На этом и закончилось самое короткое интервью в моей жизни.

— Что за дерьмо? — раздался из темноты голос Солиста.

— Понятия не имею. Валить отсюда надо, пока не поздно. По телеку что-то говорили о перевороте, только я слушать не стал. Ненавижу этот зомби-ящик.

Солист в темноте налетел на столик и громко выругался. Где-то неподалеку раздался выстрел. Я осторожно приоткрыл дверь и выглянул в коридор. Смотреть там было не на что, темнота, да и только.

— Пойдем, я знаю, где здесь запасной выход на случай пожара, — сказал за моей спиной Солист. — Там дверь на обычный засов изнутри закрыта, замок давно не работает.

— Уверен?

— Владелец клуба — мой друг. Я здесь с закрытыми глазами ориентируюсь.

Светя перед собой мобильниками, мы прошли по темному коридору. Дверь черного хода действительно оказалась не заперта. А вот на улице... там все изменилось. Как будто ты смотрел телевизор, щелкнул пультом, и перед тобой появилась совсем другая картинка. Прямо перед центральным входом в клуб стоял автобус цвета хаки с решетками на окнах. Метрах в пятидесяти от автобуса посреди улицы расположился самый настоящий танк. Его дуло смотрело в нашу сторону. От такого зрелища остатки хмельных паров мигом улетучились из моей головы.

Люди в форме образовали живой коридор. Посетителей клуба выводили по одному и заталкивали в автобус. Мужчина в цветастой рубашке начал громко возмущаться. Человек в форме ударил его прикладом автомата по лицу, и мужчина упал на четвереньки. Он мотал головой и что-то мычал. Я видел, как струйки крови из разбитых губ стекают по подбородку. Двое подхватили избитого под руки и затащили в двери автобуса.

— Вот срань-то какая, — прошептал Солист. — Зря ты телевизор не смотрел. Сидел бы сейчас дома, может, обошлось бы.

— Говорила мне мама: не шляйся ночами, а я, дурак, мамку не слушал.

— Давай через забор и к магазину. Я там машину оставил. Никогда перед клубом не ставлю, поклонники, чтоб их, прохода не дают.

Пригибаясь и прячась за кустами, мы добрались до забора. Весь этот краткий путь меня не оставляло ощущение, что башня танка медленно поворачивается, а его дуло следит за нашими спинами и готовится изрыгнуть огонь. Солист ухватился за верхний край ограды и одним движением перемахнул на другую сторону. Я умудрился зацепиться за штырь, венчавший забор, и мешком рухнул на землю. Товарищ по несчастью схватил меня за руку и помог подняться. Болела ушибленная коленка, а перед глазами летал рой разноцветных мошек. Кое-как я доковылял до магазина. Улицы точно вымерли. Мы сели в машину, и Солист повернул ключ зажигания. Казалось, что рокот мотора разнесся на всю округу, и сейчас со всех сторон появятся вооруженные люди. На наше счастье, все обошлось. Солист аккуратно вырулил со стоянки, и машина покатила по пустынному проспекту. На ближайшем перекрестке мы свернули на боковую улицу и помчались прочь от центра.

Солист гнал между домов с темными окнами, мимо погасших рекламных щитов. Город изменился. Ночная жизнь замерла в страхе перед неизвестным, люди затаились в своих каменных норах.

— Как будто война началась... — пробормотал Солист. — Ты только прикинь, час мы проторчали в этом проклятом клубе и все вверх ногами. Не знаю, кто это все заварил, но, похоже, не один день готовились.

На очередном повороте мы едва не врезались в джип с камуфляжной раскраской, перегородивший дорогу. Рядом с автомобилем стоял человек в форме.

Дуло его автомата смотрело прямо на нас.

— Ну все, приехали, — сказал я. — Конечная остановка.

Я старался, чтобы мой голос звучал бодро, но на самом деле все внутри тряслось от страха. Хотелось сползти с кресла, свернуться на резиновом коврик и закрыть глаза. А еще лучше — проснуться в собственной постели с радостной мыслью, что все это лишь дурной сон.

Военный жестом приказал нам выйти из машины. Мы переглянулись, синхронно открыли дверцы и подошли к джипу. Парень в форме был молод, лет двадцати пяти, не больше.

— Вы не знаете про комендантский час? — спросил он.

— Нет, не в курсе, — ответил Солист.

— Незнание не освобождает от ответственности.

— Какая еще ответственность? Что здесь вообще происходит? — в голосе Солиста слышалось недовольство.

— Руки за голову! — рявкнул военный и направил автомат на музыканта. Тот испуганно вскинул руки. Солдат шагнул вперед и ударил его прикладом в живот. Солист согнулся пополам.

— Еще вопросы есть? — поинтересовался человек в форме, глядя на меня. Я отрицательно помотал головой.

— Оба в опорный пункт, — солдат указал на обшарпанную стальную дверь. — Живо!

За дверью обнаружилась лестница, ведущая в полуподвальное помещение. Тусклая лампочка освещала огромную комнату с грязным полом и стенами, выкрашенными серо-зеленой краской, облупившейся от времени. Слева от входа стоял письменный стол и громоздкий сейф, правая половина была отгорожена стальной решеткой. За столом сидел военный с седыми волосами и обрюзгшим лицом. На его плечах красовались погоны лейтенанта. Привыкнув к полутьме, я разглядел, что за решеткой на грубых деревянных нарах сидят и лежат люди. Остановивший нас солдат подтолкнул меня к столу.

— Кто такой? — спросил седой.

— Максим Елистратов, журналист, — запинаясь, ответил я. — Удостоверение показать?

— Журналист? Ненавижу журналистов, — в его глазах с красной сеточкой сосудов читалось презрение. — Удостоверением можешь подтереться. Больше оно ни на что не годится.

— В клетку его, — скомандовал он молодому.

Солдат открыл замок и подтолкнул меня к решетке. Внутри остро пахло страхом. Среди задержанных была и одна девушка. Она сидела в дальнем углу, опустив голову и закрыв лицо руками. «Интересно, а туалет здесь есть?» — мелькнула несвоевременная мысль.

Солиста усадили на табуретку перед столом лейтенанта. Солдат с автоматом встал за его спиной.

— Кто такой? — повторил свой вопрос военный.

— Меня зовут Андрей. Я певец.

— Поешь значит, да? А документы у тебя есть, певец?

— Нет. А зачем?

Седой приподнялся и ударил Солиста кулаком в лицо. Он пошатнулся и едва не свалился с табурета.

— Здесь вопросы задаю я!

Понятно?

Я вцепился в холодные прутья решетки. Неужели весь мир разом сошел с ума? На улицах танки, ни в чем не повинных людей избивают, угрожают оружием. Этого не может быть! Вся моя жизнь говорила о том, что этого не может быть. Все равно что вернуться с работы и обнаружить на месте своего дома дымящиеся развалины.

— Что здесь происходит? — прошептал кто-то за моей спиной. — Что здесь, черт возьми, происходит?!

Я обернулся. Позади стоял пожилой мужчина в дорогом костюме. Его галстук сполз набок, а на лице виднелась свежая ссадина.

— Да откуда мне знать, — сказал я, хотя и понимал, что он не ожидает услышать ответ на свой вопрос.

— Проклятые военные, — пробормотал мужчина. — Я всегда говорил, что оружие портит людей.

Один из сидевших на нарах, парень с бритой головой, вдруг повалился лицом вперед и забился в судорогах. Он хрипел и колотился об пол. Солдат сделал шаг к камере, но седой жестом остановил его.

— Последи за этим певуном, — сказал он. — Я сам разберусь.

Лейтенант взял со стола связку ключей и отпер клетку. Бритый лежал ничком на полу, его ноги слегка подергивались. Одна штанина задралась, виднелся серый носок и крепкая загорелая голень.

— Всем к стенке! — приказал военный.

Я сделал два шага назад и прижался спиной к холодной стене. Рядом со мной встал мужчина в дорогом костюме.

Седой зашел внутрь, подошел к парню, распростертому на полу, и толкнул его ногой. Тот никак не отреагировал. Военный еще раз пихнул сапогом бесчувственное тело и наклонился над ним. Дальше все происходило очень быстро. Лежавший на полу парень вдруг подобрался и вскочил на ноги. Он коротко ударил седого по горлу. Лейтенант захрипел и обеими руками схватился за свою шею. Казалось, что его глаза вот-вот выпрыгнут из орбит. Парень выхватил пистолет, висевший у седого на поясе, и щелкнул предохранителем. Солдат рванулся вперед, поднимая автомат. Его ствол неумолимо поворачивался в нашу сторону. Я почувствовал, что ноги мгновенно ослабели, сполз по стене и уселся на пол. Парень с пистолетом одним движением повернул лейтенанта, прижал его к решетке и, прикрываясь его телом, как щитом, начал стрелять. На груди солдата расплылись кровавые пятна. Он пошатнулся, и его палец надавил на спусковой крючок. Ствол автомата описал замысловатую дугу, и помещение наполни-

лось грохотом выстрелов. Я увидел, как задержался в диковинном танце смерти лейтенант, а потом почувствовал, как что-то обожгло мое правое плечо. Сверху частым дождем посыпалась штукатурка. Солдат упал на спину, и его автомат замолчал.

Парень с пистолетом шагнул назад, и тело лейтенанта съехало по решетке. Его лицо превратилось в кровавую кашу. Мужчина в дорогом костюме тяжело рухнул передо мной. Посреди его лба виднелась аккуратная дырочка, из которой вытекала густая кровь. Минуту назад мы разговаривали, а теперь он лежал передо мной, и ручеек его крови подбирался к моим джинсам. Я отвернулся, и меня вырвало. Парень убрал пистолет и вышел из камеры.

— Ты чего, ниндзя? — услышал я голос Солиста.

— Хуже. Инструктор ВДВ.

Бритый наклонился над солдатом, взял из его мертвых рук автомат и повесил на плечо. Я осторожно поднялся и выбрался из клетки. Остальные потянулись за мной. Солдат лежал посреди комнаты, его остановившиеся глаза таращились в потолок. Я наклонился над трупом, расстегнул кобуру и достал пистолет.

— Зачем он тебе? — спросил Солист. — Тебя же пристрелят, если поймут, что ты в этом участвовал. Брось железяку, она тебя не спасет.

А действительно, зачем мне оружие? Я же не герой. Всего лишь журналист, привыкший к спокойной жизни, мягкой постели и теплому туалету. В моей жизни никогда не было места подвигу. Героями должны быть такие, как инструктор. У таких, как он, не подгибаются колени при звуке выстрелов и он уж точно не сблает при виде чужой крови.

Я сунул пистолет за пояс.

— Пригодится.

— Ну, как знаешь. До моего дома минут пять пешком. Ты со мной?

— Нет, я лучше к себе. Есть одна идея, как добраться.

На столе среди бумаг валялись ключи от автомобиля. Я сгрел их и сунул в карман. Мы вышли на улицу. Поблизости никого не было.

— Удачи, — сказал Солист. — Надеюсь, увидимся в местечке получше, чем это.

Я забрался в джип и завел мотор.

В этот момент пассажирская дверца распахнулась. Моя рука рефлекторно дернулась за пистолетом и остановилась. На меня смотрела хорошенькая девушка. Растрепанные каштановые волосы и большие темно-карие глаза.

— Возьмите меня с собой, — по голосу я понял, что она близка к истерике. — Я боюсь одна.

Секунду я колебался. Брать попутчиков не было никакого желания. Но в глубине ее пронзительно-карих глаз было столько страха и надежды...

— Залезай, — сказал я.

Город пугал пустотой. Как будто никогда и не было множества людей, спешащих по своим делам, моря огней, кипучей жизни. Путь занял минут двадцать, и за это время я заметил с десяток джипов, в точности похожих на тот, в котором сидели мы и несколько БТРов. Еще я узнал, что мою спутницу зовут Алена. Она приехала из подмосковного Одинцово и собиралась идти в тот же клуб, где я встретился с Солистом, когда ее остановил патруль. В другой день меня, возможно, и удивило бы подобное совпадение, но, когда привычный уклад разом рушится, мелкие случайности перестают казаться странными.

Джип я бросил за несколько кварталов до моего дома перед торговым центром. Оказавшись в квартире, первым делом щелкнул пультом телевизора. Все каналы молчали. На некоторых висела заставка «извините, идут технические работы», а большинство демонстрировали мелкую рябь. Свет я рискнул включить лишь после того, как плотно закрыл жалюзи. Все соседние дома были погружены в темноту, и одинокое освещенное окно могло бы при-

влекать чье-то внимание, а этого мне хотелось меньше всего. Сняв рубашку, я обнаружил на правом плече глубокую царапину, покрытую запекшейся кровью. Не хотелось думать о том, что могло случиться, если бы ствол автомата еще чуть-чуть качнулся в мою сторону. Я надел чистую майку и поставил чайник. Мы сидели на кухне, пили чай и разговаривали о чем угодно, только не о том, что происходило сейчас в городе.

Глубокой ночью я стоял под струями душа и думал об Алене. Конечно, я знал ее лишь несколько часов, но в ней был некий потаенный свет, который манил меня, точно свеча ночного мотылька. В нашей встрече мне виделся некий знак, улыбка судьбы, намек на счастливую перемену после многих лет одиночества и пустых мимолетных романов. И надо же было этому случиться именно в день, когда привычная реальность вдруг дала трещину и рассыпалась на мелкие осколки. Хотя... В минуты, когда рядом с тобой появляется смерть, ты особенно остро начинаешь радоваться жизни, ценить каждую ее секунду и все те маленькие подарки, что она делает нам.

Потом мы отправились спать. Я скрючился на маленьком диванчике, а Алена расположилась на моей кровати. Ночью я прислушивался к ее тихому дыханию и все думал о том, как было бы хорошо встретиться в другой жизни, где нет места войне и где в твою спину не упирается ствол автомата.

Утром я проснулся с головной болью. Алена еще спала, обнимая подушку. Ее полные губы чуть приоткрылись, ресницы едва заметно подрагивали. Я осторожно поднялся с постели, раскрыл жалюзи и выглянул в окно. Мой район только недавно начал строиться, и вокруг бесшумными часовыми торчали высотные краны. Сегодня строительные площадки были пустынные. Не ползали муравьи-рабочие, не подъезжали автомобили, не гудели экскаваторы. На ближайшей стройке оранжевой кляксой светилась забытая кем-то каска.

Я вернулся в постель, лег и закрыл глаза. Хотелось заснуть, а проснувшись, вернуться к нормальной жизни. Может быть, все не так плохо, как кажется? Может, уже сегодня мы услышим хорошие вести? Я уже начал дремать, когда за окном раздался глухой удар. Дом вздрогнул, тихо звякнули ложечка в чашке, забытой на журнальном столике. Я вскочил и подбежал к окну. Один из строительных кранов накренился и начал падать. Секунда... и стальная махина рухнула на землю, подняв облако пыли. Раздался еще один взрыв, и второй кран рухнул на недостроенный дом.

— Что там творится?

Я обернулся. Алена сидела на кровати, натянув одеяло до подбородка.

— Мне страшно, — прошептала она.

Я подошел к девушке и осторожно обнял ее за плечи. Она доверчиво прижалась ко мне.

— Давай уедем отсюда, — сказала она. — Мне кажется, что этот ужас творится только в столице. У меня тетка живет в деревне, может, поедem к ней? Пожалуйста...

— Боюсь, дороги заблокированы. Лучше дома пересидеть. Это не может продолжаться слишком долго. На дворе двадцать первый век, сейчас нельзя просто взять и начать бойню. Сразу вмешаются другие страны, начнутся экономические блокады и все такое. Ни один безумец на гражданскую войну не пойдет.

Мне и самому хотелось верить в собственные слова, но танки на улицах и падающие краны говорили совсем о другом.

— Мы ведь уже за МКАДом, правда? — спросила Алена.

— Да, район не очень престижный, — кивнул я.

— Может, все-таки поедem? Вряд ли у них столько людей, чтобы мелкие дороги заблокировать. Наверняка, основные силы в центре города.

— Ладно, давай попробуем, — сдался я.

Мы собрали вещи и кое-какую еду. Честно говоря, идея бежать из города казалась

мне не совсем разумной, но сидеть и ждать неизвестно чего было еще страшнее. Я выглянул из окна кухни. Моя квартира находилась на девятнадцатом этаже, соседние здания еще не закрыли горизонт, и вид открывался отличный. Но сегодня зрелище совершенно не радовало. Несколько домов было окутано дымом, кое-где мелькали вспышки выстрелов, а где-то ближе к центру поднимались густые клубы дыма. Я достал из шкафчика припрятанный ночью пистолет, вынул обойму и пересчитал патроны. Их оказалось двенадцать. На каждой гильзе были выцарапаны две буквы «М.В.». Интересно, откуда они взялись? Неужели солдат решил таким способом пометить свои патроны?

— Ты умеешь этим пользоваться?

Я вздрогнул и едва не выронил оружие. Алена неслышно вошла на кухню и теперь стояла за моей спиной.

— Я никогда не стрелял из боевого.

Несколько раз ходил с друзьями в тир, палил там из спортивного пистолета. Но одно дело целиться по мишеням, совсем другое — навести оружие на человека. Очень надеюсь, что пользоваться этой игрушкой не придется.

Лифт не работал. Мы спустились по лестнице, и я сложил сумки в багажник моей машины. Улица была пустынная.

— Куда же подевались все люди? — спросила Алена. — Неужели прячутся по домам?

— Не знаю. Может, все куда серьезнее, чем военный переворот? Садись в машину. Если решили бежать, то нечего откладывать.

Сбежать нам не удалось. Мы успели миновать ровно три перекрестка и наткнулись на БТР. Три солдата сидели на броневике и курили. Увидев нас, они схватились за оружие.

— Выходим, — сказал я. — Только медленно.

Мы вышли и остановились около машины. Один из солдат подошел к нам. Его автомат смотрел мне прямо в лицо. Жутко

было осознавать, что твоя жизнь зависит от одного движения указательного пальца.

— Так-так-так, кто здесь у нас? — солдат бросил окурок мне под ноги. — Ну, что, хорошо прокатились, голубки? В общем так, девица останется с нами, а ты ноги в руки и беги домой. Я что-то не настроен никого убивать до обеда.

Солдаты, оставшиеся на броневике, дружно загоготали.

— Я никуда не пойду.

— Чего-чего? — в голосе вояки слышалось неподдельное изумление.

— Никуда не пойду, — повторил я. — И она останется со мной.

Солдат запрокинул голову и захохотал. Я видел его крупные желтоватые зубы. Наверное, настоящий герой должен в этот момент ощущать собственную силу и презрение к врагу. Я же чувствовал, как колотится сердце, подгоняемое адреналином, и мелко-мелко дрожат ноги.

— Ну, ты насмешил, — сказал боец, и в следующий миг я уловил какое-то движение. Приклад автомата врезался в мою челюсть, и в голове помутилось. Я почувствовал, что падаю, но самого удара о землю уже не ощутил.

Когда пелена рассеялась, я увидел прямо перед собой растоптанный окурок, а чуть дальше покрытые пылью сапоги солдата и туфельки Алены. Солдат ухватил ее за локоть и тащил к броневiku. Я медленно поднялся, достал пистолет, прицелился и дважды нажал на курок. Вояка остановился, точно наткнувшись на стену, и упал, увлекая за собой Алену. Сидевшие на броне солдаты, как по команде, вскочили и схватились за автоматы. Бежать было некуда. Я успел нажать на спусковой крючок еще раз и почувствовал удар в живот. Потом еще один в грудь. Точно гигантский молот вколачивал гвозди в мою плоть.

Внезапно я увидел себя со стороны. Пули, разрывающие рубашку и миниатюрные фонтанчики крови. Я смотрел, как мое тело падает на дорогу. Прибли-

жаясь к земле, оно вдруг задрожало, как воздух над раскаленным асфальтом, а потом рассыпалось на сотни тысяч бабочек. Искрящееся облачко крыльев заполонило все вокруг, и наступила темнота.

— Да, Макс, ты вроде уже не подросток, а прыщи все появляются, — сказал я, разглядывая собственное отражение.

На экране телевизора космический рейнджер подстрелил очередного инопланетного уродца.

Острое чувство дежа вю охватило меня. Я повернулся к телевизору, ожидая увидеть Марию с сообщением об отставке президента.

— Не волнуйтесь, с президентом все в порядке. Он сейчас принимает делегацию из Швеции, — раздался незнакомый голос.

Я вздрогнул всем телом.

В кресле сидел мужчина средних лет, одетый в потертые джинсы и светлую рубашку с короткими рукавами. На коленях у него лежала кожаная папка.

— Что Вы делаете в моей квартире? — спросил я.

— Наблюдаю. Это моя работа. Я — Наблюдатель.

— И за кем же Вы наблюдаете?

«Может, в милицию позвонить?» — мелькнула мысль.

— Не надо милиции. Пока они приедут, я уже буду далеко, и Вы окажетесь в довольно глупом положении. Наблюдаю я за всем человечеством. Нас, ваших соседей по Галактике, очень смущает тяга людей к агрессии. Порой кажется, что все свои силы вы расходуете на уничтожение себе подобных. Ваши дети играют в войну, ваши подростки бьют друг друга, только для того, чтобы понять, кто сильнее, а взрослые изощряются в изобретении все новых способов убийства. Война и насилие — без этого вы не мыслите своей жизни.

— А я здесь при чем?

— Строго говоря, ни при чем. Вы один из тех, кто участвовал в Экспери-

менте. Мы решили отобрать триста случайных жителей Земли, поместить их в условия, выходящие за грань привычного опыта, и оценить поступки избранных. Каждому была создана совершенно уникальная ситуация.

— Чувствую себя лабораторной крысой, — сказал я.

Из телевизора донесся грохот взрыва.

— Этот фильм, — продолжил гость, не обращая внимания на мою реплику, — отличная иллюстрация мышления человечества. Если верить вашим книгам и кинематографу, то контакт с иным разумом обязательно должен включать войну, убийства, завоевания.

На экране герой подстрелил монстра, похожего на гигантского червя, сменил обойму своего бластера и прожег гигантскую дыру в космическом корабле пришельцев. Мне стало немного неловко за деяния наших потомков, пусть и существующих лишь на киноленте.

— Меня радует, что Вы смущаетесь, — сказал Наблюдатель. — Это означает, что человечество небезнадежно. Так вот, суть Эксперимента — в ситуациях, находящихся за пределами обыденного. В таких условиях и проявляется все, что дремлет внутри нас, даже то, о чем мы и не подозреваем. Если выбранные нами провалят Эксперимент, то...

— То вы уничтожите Землю, да? — перебил я и ощутил злость. — Кто вы такие, чтобы решать за нас?

— Откуда в людях столько агрессии? Никто уничтожать вас не собирается. Если Эксперимент кончится неудачей, то Землю изолируют. Вы, правда, пока не очень-то далеко в космос продвинулись, но если судить по некоторым вашим наработкам, то уже лет через пять... Впрочем, не будем забегать вперед.

— Изолируют? Ладно, и на том спасибо.

— Вы держались хорошо. Самое главное, что мы поняли — люди готовы

рисковать жизнью ради других. Человек способен принять свою смерть, как меру чужой жизни.

В моей голове мелькали картинки недавних событий: танки на улицах, выстрелы, инструктор ВДВ, убивающий военных, Алена...

— Все, что со мной случилось, было иллюзией? — спросил я.

— Не совсем. Скажем так: это была альтернативная реальность. О ней никто, кроме Вас, помнить не будет. Кстати, поспешите в клуб, Алена уже там.

— Откуда Вы знаете?

Незнакомец улыбнулся, открыл свою папку и положил на журнальный столик небольшой сверток.

— Это Вам на память. Прощайте, — сказал он и вышел. Дверью незваный гость пользоваться не стал, а прошел сквозь стену.

— Можно было обойтись и без дешевых фокусов, — проворчал я ему вслед.

Стена хранила молчание. Я лихорадочно стянул рубашку и осмотрел свое правое плечо. Вместо глубокой борозды, оставленной пулей, вилась едва заметная царапина. На груди и животе темнело несколько небольших кровоподтеков. Сердце на миг сжалось, и я вновь ощутил удары пуль, разрывающих мое тело.

— Так, ладно, — сказал я сам себе. — Тебя избрали для Эксперимента, и ты победил. Успокойся и расслабься. Считай, что это такое приключение. Вроде как в Диснейленд на выходные съездил.

Я надел рубашку, выдавил злополучный прыщик и побежал на кухню готовить кофе. Если судьба приготовила мне еще одну встречу с Аленой, то лучше постараться протрезветь.

Пока варился кофе, я взял сверток, оставленный гостем, и развернул. В нем оказались две стреляные гильзы. На каждой из них были выцарапаны две буквы: «М. В.». По комнате плыл едва заметный запах пороха.

Алексей Шолохов

Тринадцатый раздел

Адвокат Сергей Морозов любил свою работу. Но в последнее время из-за обрушившегося на мир множества процессов Сергей Анатольевич не находил себе места. Вроде бы сбылось то, о чем только можно мечтать любому мало-мальски приличному адвокату, — работы было столько, что Сергей не успевал чашку кофе выпить между процессами. Была возобновлена смертная казнь только исключительно для осужденных по статьям из тринадцатого раздела.

Адвокатом Морозов был хорошим, но, несмотря на это, все процессы с его участием заканчивались расстрельным приговором. Проигранные процессы, конечно, жестоко били по авторитету, но никак не по карману. Общественности были выгодны смерти монстров, сидящих за пуленепробиваемым стеклом. Морозов получал новое дело, немаленький гонорар и шанс вытащить ненавистных людям чудовищ. За первые дела он брался с неохотой и неприязнью. Он фактически был на стороне обвинения. Сергей ненавидел своих подопечных. Ненавидел и защищал. Защищал, выкладываясь изо всех сил. Но уж очень сильна ненависть людская к нелюдям.

Это было тогда, сейчас же, кроме сострадания, Сергей Морозов к своим клиентам ничего не чувствовал. Именно поэтому он и попросил перерыва, именно поэтому скорбь сдавливала его сердце. Сергей включил воду и посмотрел на свое отражение в зеркале. Устал. Лицо уставшего человека. На него смотрели глаза человека, постаревшего



Шолохов Алексей

Родился в 1975 г. в Калужской области. Окончил Карачаево-Черкесский Технологический институт по специальности инженер-электрик. Работал охранником, поваром, электриком, энергетиком цеха. В данный момент живет в Москве.

Публиковался в альманахах «Порог», «Фанданго» и «Снежный ком», журналах «Новый дом», «Литературный Башкортостан» и «Уральский следопыт», а также в Интернет-журналах «Пролог» и «Лексикон», «Мир фантастики».

лет на десять. Сергей вспомнил затравленный взгляд своего клиента.

Трель телефонного звонка вырвала его из размышлений. Морозов посмотрел на дисплей. Разговаривать ни с кем не хотелось, но... Сергей нажал кнопку вызова.

— Да, — прохрипел адвокат.

— Здравствуйте, Сергей Анатольевич.

— Здравствуйте.

— Меня зовут Ильин Федор Алексеевич. Я — менеджер фирмы «КриоРосс». Я хотел бы Вам напомнить, что сегодня тело Вашей матери будет подготавливаться к репродуктивному клонированию.

— Да, я помню. У меня сейчас процесс. Я вам перезвоню.

— О'кей.

— О'кей, — передразнил Сергей мейнджера, как только нажал «отбой».

Мама умерла десять лет назад. Множество криокомпаний предлагали свои услуги. Сергей хорошо помнил ажиотаж вокруг возможного оживления мертвых в будущем. Но годы шли, и единственным оживлением стало клонирование. Два года назад Морозов поддался искушению и забронировал морозильную камеру для себя.

«Возможно, когда-нибудь меня клонируют и вот так же будут судить черт знает за что».

Морозов печально улыбнулся. Дверь открылась, и в туалет вошел высокий мужчина в синей форме.

— Ну что, Морозов, давай заканчивать? Что ты уперся?

Прокурор Михаил Седов подошел к писсуарам и расстегнул ширинку.

— Упирайся, не упирайся, я вас дожму, ха — Михаил хохотнул.

Сергей посмотрел на него в зеркало.

— Смотри в ширинке хер свой не дожди.

— Что? — не понял прокурор.

— Я говорю: посмотрим, — Сергей мылся и закрыл воду.

— А что тут смотреть? — молния взвизгнула, и улыбающаяся морда Седова появилась в зеркале. — Я вас дожму. Присяжные уже мои.

Морозов подошел к полотенцам, оторвал несколько и вытерся.

— Слышал о новом деле? — спросил прокурор.

— Нет, — Сергей скомкал влажные полотенца и бросил в урну. — Что за дело?

— Тринадцатый раздел, статья триста шестьдесят шестая. «Зеленые» обвинили древнего человека в истреблении мамонтов.

— Совсем охренели!

— Да брось ты, Морозов! Весело же!

— Ты это древнему человеку скажи.

— О-о, дружок, да тебе надоело проигрывать? Тогда давай к нам, — Седов выключил воду.

— Нет, каждому свое, — сказал Сергей и вышел.

— Встать, суд идет, — громогласно проговорил пожилой мужчина.

Морозов встал и посмотрел на скамью подсудимых. Его клиент стоял, опустив голову.

— Прошу садиться, господа, — судья ударил молотком по облезшей скатерти. — Итак, слушается дело номер 1725/2048. Обвиняется Иосиф Виссарионович Джугашвили-Сталин по статье триста шестьдесят пятой УК РФ. Адвокат Морозов, у Вас есть еще свидетели? Морозов встал.

— Нет, Ваша честь.

Судья кивнул, мол, я так и знал.

— Приступаем к судебным прениям. Прошу Вас, господин прокурор.

Седов встал. Морозову на мгновение показалось, что он видит расплывающееся темное пятно на отглаженных брюках прокурора.

«Съят от радости», — подумал Сергей и отвернулся к своему клиенту за стеклом. Иосиф Виссарионович затравленно поглядывал то на прокурора, то на судью.

— Ни для кого из присутствующих не секрет, что Сталин — один из величайших преступников всех времен, принеший многим народам трагические горести, — Седов сделал драматическую паузу и посмотрел на присяжных. — Вы знаете, я думаю, нам никогда уже не оправиться от этого. Никогда.

Морозов внимательно смотрел на своего оппонента. У Седова дрожал подбородок, будто он собирался заплакать. Сергею вдруг захотелось закончить этот цирк — подойти и вре-

зять прокурору по его трясущемуся подбородку.

— Я не скрою, у меня есть личная причина для ненависти к этому человеку, — он ткнул в старика за стеклом. — Моего предка расстреляли в 39-м году, но я, как представитель закона, отбрасываю все эмоции. Какое-то время многие из вас, да и я тоже считали Сталина гениальнейшим правителем великой страны, но это не более чем заблуждение — Сталин, кроме невероятной жестокости, не обладал ничем. Да посмотрите на него сами, — Седов подошел к скамье подсудимых и постучал по пуленепробиваемому стеклу. Человек, сидящий в «аквариуме», поднял на прокурора влажные от слез глаза. — Этот жестокий человек вызывает в лучшем случае жалость, а в худшем...

— Четверговать его! — выкрикнул толстяк в черной бейсболке. Зал загудел.

— К порядку, — молоточек судьи трижды ударил в стол. Когда все стихло, судья обратился к Седову:

— Продолжайте.

— Прошлый век изобиловал такими деятелями. Жалкими, никчемными людишками, вымещавшими свои обиды на все живое. Ульянов-Ленин, Сталин, Берия, Гитлер... Да я ставлю всех этих монстров в один ряд. Господин Морозов помнит дело номер 1710/2047, — прокурор повернулся к Морозову. — Мы осудили и казнили Гитлера. Этого негодяя осудили по всем статьям раздела тринадцать.

— Я протестую, — еле проговорил Сергей.

— Поясните, — предложил судья.

— Дело номер 1710/2047 не относится к нашему делу.

— Протест принимается. — стук молотка отозвался колокольным звоном в голове Морозова.

«Когда же это все закончится?»

— Извините, Ваша честь, увлекся, — Седов снова подошел к присяжным. — Давайте вспомним так называемый национальный вопрос. Этот человек почему-то возомнил себя спецом в этом деле. Все, кто мало-мальски знает историю, легко вспомнит, к чему привел его раздел страны. Приведу лишь два примера — Нагорный Карабах и Южную Осетию, — Седов был мастер делать паузы, но эта слишком затянулась.

— Михаил Ефремович, у Вас все? — судья терял терпение.

— Еще минутку, Ваша честь.

Судья кивнул, и Седов продолжил:

— Множественные репрессии, — снова пауза. Морозов схватился за голову. — Этот жалкий человек вел неестественный отбор — уничтожал лучших.

— Протестую, — Сергей развязал тугой узел галстука.

— Михаил Ефремович, не переходите на личности, — судью явно не устраивал затянувшийся процесс, но он подержал протест.

— Прошу прощения, Ваша честь. Этот упырь... — Седов опомнился и, словно скромная девица, прикрыл ладошкой рот. — Сталин Иосиф Виссарионович, параноидально гоняясь за врагами народа, сам стал врагом народа номер один, — как-то быстро закончил Михаил. — И напоследок еще один кровавый пример. — Прокурор размеренно прошелся вдоль перегородки, за которой сидели присяжные. Остановился напротив человека в черкеске с закрученными усами. — В 37-м году прошлого века, по некоторым данным, на Кубани проживало около пяти миллионов казаков. К концу 39-го их осталось около двух миллионов. То есть все здоровое мужское население было уничтожено. Поэтому, Ваша честь, господа при-

сяжные, я прошу для этого монстра тройной смертной казни!

— Я протестую! — Сергей вскочил с места.

— Протест отклонен! — удар молотка.

— Если того потребует общественность, мы сделаем это снова и снова.

У меня все, Ваша честь, — Седов, словно гусь с гордо поднятой головой, прошел к своему месту.

— Господин адвокат, прошу, — предложил судья Морозову. — И, если можно, побыстрее.

Сергей встал со своего места. Рубаха прилипла к телу, в горле пересохло. Он отпил из своего стакана и пошел к присяжным. Обвел всех взглядом...

«Идиоты».

...и начал:

— Да, Сталин — убийца, тиран и параноик.

Зал загудел.

— Четвертовать его, — снова выкрикнул толстяк в бейсболке.

— Но все не так просто! Не так просто, господа, — как только Морозов заговорил, зал стих. — Господа хорошие, не так просто все это. Репрессии и депортации, расстрелы и аресты не делаются в одиночку. Каким бы ни был кровожадным Сталин, он не смог бы так насолить миллионам один.

— Четвертовать его!

Зал молчал. Люди задумались.

— Ответьте мне, можно ли винить одного человека в беде целого народа? — он снова обвел взглядом присяжных. — Виноваты все мы!

— У Вас все... — начал судья.

— Нет! — слишком резко ответил адвокат. — Простите, Ваша честь, у меня есть еще что сказать.

— Продолжайте.

— Я мог бы долго распинаться и о хороших качествах этого, как говорит

уважаемый прокурор, монстра. Я могу напомнить только некоторые его заслуги. Восстановление исторических архитектурных памятников, храмов и церкви. Воссоединение по крупицам страны, создание Империи.

— Империи на костях?! — крикнул Седов.

— Ни одна Империя еще не выстраивалась в ромашковом поле.

Удар молотка.

— Сергей Анатольевич, ближе к делу.

— Но эти добрые дела никоим образом не умиляют его кровавых деяний. Сталин — убийца, тиран и параноик.

Но ответьте мне, каким боком это все относится к моему клиенту?! — Сергей не заметил, как перешел на крик. —

Посмотрите на человека за стеклом! И посмотрите на это! — он подошел

к «аквариуму», достал сложенный вчетверо портрет генералиссимуса Сталина и с силой прилепил его к стеклу. —

Несмотря на сходство, вы все прекрасно знаете, что этот испуганный человек за стеклом — клон умершего сто лет назад Сталина!

— К порядку! — закричал судья. — Господин Морозов, прекратите этот цирк!

— Я его не начинал! — огрызнулся Сергей. — Вы посмотрите на себя, на мир, в котором мы живем! Сейчас любой менеджер может заказать себе клон Гитлера, чтобы тот подвозил его на себе до офиса! Вы осуждаете насильников и убийц на смехотворные сроки! А людей... Да-да, людей! — он ткнул в человека за стеклом. — А людей, ни хрена не помнящих о деяниях своего оригинала, вы убиваете для собственного развлечения...

— Морозов, если Вы сейчас же не прекратите, я прикажу Вас арестовать!

— У меня все, — тихо произнес

Сергей. Статья триста шестьдесят седьмая — пособничество преступнику

из прошлого, не дала ему закончить. Долбанный тринадцатый расстрельный раздел!

— Вот и хорошо, а то уж я думал...

— Нет. Прошу прощения, Ваша честь, — Морозов поник. Опустил голову и пошел к своему месту.

Присяжные ушли совещаться. Сергей медленно складывал бумаги в портфель. Адвокат ни разу не взглянул на клон Сталина. Морозов знал, что проиграл этот процесс еще до начала. Присяжные вернулись. Сергей видел их словно в тумане. Встал усач в черкеске.

— Виновен!

— Кто бы сомневался, — прошептал Морозов.

— Верховным судом, рассматривающим дела тринадцатого раздела — преступления против мира и безопасности человечества, совершенные в прошлом, Джугашвили-Сталин Иосиф Виссарионович признан виновным по статье триста шестьдесят пять — геноцид в прошлом, и приговорен к тройному расстрелу. Приговор обжалованию не подлежит.

Сергей схватился за голову. Тройной расстрел! В его практике подобный приговор звучал впервые, но Морозов знал, что, убив человека однажды, они клонируют его и убьют еще раз, и еще, и еще...

Если того потребует общественность... — вспомнил Сергей слова прокурора.

А общественность потребует. Нет кровожадней твари человека.

Морозов встал и на ватных ногах пошел к выходу из зала. Он явственно чувствовал запах крови, будто находился на бойне. На своего клиента Сергей так и не взглянул. Пробившись через толпу журналистов, он вышел на улицу.

«Все кончено», — подумал Сергей, положил портфель на ступеньки и сел на него.

Набрал номер КривоРосс.

— Надо что-то менять, — проговорил сам себе Морозов.

— Что? — не понял собеседник на другом конце.

— Извините, это я не вам, — сказал Сергей и встал.

Морозов представился и назвал номер договора.

— Я хочу, чтобы тело мамы кремировали, — коротко сказал он.

— У нас есть такая услуга, но так как в договоре были обговорены другие процедуры...

— Сколько? — перебил монолог менеджера Сергей.

— Составление нового договора, экстренное кремирование...

— Сколько?! — потеряв терпение, еще раз спросил Сергей.

— Тридцать тысяч долларов.

— Хорошо. Только одно условие — я должен видеть, как сгорит тело.

— Любой каприз за Ваши деньги, — менеджер отключился.

Сергей стоял у конвейера перед топкой крематория. Тело, когда-то бывшее его матерью, медленно двигалось к огненному зеву. Сергей шел рядом и держал мать за руку. Он думал. Час назад он расторг договор о криосохранении собственного тела после смерти. Но это не значило ровным счетом ничего.

Служители раздела XIII могли клонировать его и осудить... А почему бы нет? Может, через сто лет впаяют ему статью триста шестьдесят шесть — экоцид в прошлом, за преследование тараканов в тридцать седьмом.

Если того потребует общественность...

Морозов влез на конвейер и в последний момент, перед тем как створки топки автоматически закрылись, прыгнул в пламя.

Черта с два теперь общественность что-либо потребует. По крайней мере, от Морозова.

Юрий Погуляй

Яблоко

Скрипнула калитка, глухо заворчал Легионер, но лаять не стал, да и крепкая цепь не звякнула, не застучала по дереву. Развалившийся на будке серый волкодав столь добродушно встречал только старого хозяина. Впрочем, больше никто из жителей Славинки в дом у озера не заглядывал. Все двенадцать дворов считали нелюдимую Еву ведьмой, и лишь егерь, разменявший пятый десяток, был у нее частым гостем.

— Есть кто дома, Игоревна?! — Ливоныч неспешно прошел по тропинке к крыльцу, остановился у Легионера и похлопал клякастое чудовище мозолистой ладонью по голове. Зверь прижал уши, закрыл глаза и полностью отдался простой сибирской ласке.

Дом, укрытый в теплой июльской тени, молчал. Угрюмые ели над покрытой мхом крышей лениво повели ветвями.

— Ну что, Леги, куда хозяйку девал? — обратился егерь к волкодаву. — Поди за водой пошла, да?

— День добрый, Павел Ливоныч, — раздался голос за его спиной. Ева, как всегда, появилась незаметно. Слух и чутье в очередной раз подвели опытного охотника. Женщина из дома у озера всегда заставляла его сомневаться в своих способностях.

— Привет, красавица! Подарочек я тебе принес! Из райцентра машина приходила! — в густой, расчесанной бороде проступила радостная улыбка. — А тут я как раз! Мне Семен по рации сообщил, что подъезжает, так я его на окраине и взял, да. Яблочками разжился, вот и тебе принес.

Яблоки Ева ненавидела. Так сложилось... Поэтому, когда Ливоныч с криком выудил из кармана камуфляжной



Погуляй Юрий Александрович

Родился 13 июня 1979-го в Ленинграде. Сейчас проживает в Санкт-Петербурге (Россия) и ничуть об этом не жалеет. К фантастике страстился с детства. Первые рассказы были написаны лет в двенадцать. В фэнтези Юрия привел (сам того не ведая) Майкл Муркок и книга «Рунный Посох». Первый роман «Команда» был издан в издательстве «Альфа-Книга» в 2004-м году.

куртки наливное яблочко, бережно отер его рукавом и протянул ей, глянула недобро на забывшегося егеря. Тот, видимо, сразу ошибку свою признал, смутился и неловко запихал «подарок» обратно.

— Забыл, Игоревна, забыл я про твою аллергию, — неловко улыбнулся он. Косматый егерь огладил мозолистой рукой старый, еще советский камуфляж, зачем-то поправил на плече неизменную «сайгу» и загадочно вздохнул.

— Супчик будешь? — ободрила его женщина.

— Да не, пойду я до хаты, прости уж. Проведать заходил. Да и подарочек... Лепесины-то кушаешь? Я и их килограммчик прихватил, занесу завтра.

— Кушаю, Павел Ливоныч, кушаю.

Егерь потоптался на месте, развел руками:

— Неловко как-то получилось, да. Прости уж меня, Игоревна. Пойду я, да?

Ева взглядом попрощалась с безнадежно влюбленным в нее егерем и медленно прошла на крыльцо. Павел Ливонич опять крикнул, сдвинул армейскую кепи на затылок, и лицо его озарилось:

— Кстати, охотнички в округе объявились. Все чин-чинарем, с бумагами при печатях, но все одно остерегись, Игоревна, коли в лес пойдешь. Люди с виду-то приличные, но кто знает, что у них там под черепушкой-то, да.

— Спасибо, Павел Ливонич, — Ева остановилась у двери. Егерь ей нравился, но жить под одной крышей с человеком... Нет, не просто так она забралась в такую глушь, не от женского каприза. Одинокий дом у озера, в пяти километрах от Славинки, где машина из райцентра бывала раз в месяц, и то если водитель выходил из запоя, был для нее не прихотью, а жизненной необходимостью.

Пройдя в дом, Ева поставила на пол корзинку с травами и прислонилась спиной к двери. За забором егерь вскочил в седло своего вороного коня, присвистнул и отъехал прочь. Павел Ливонич хороший человек, наивный, не испорченный современным городом и не погрязший в серости и унынии нынешней деревни. Такими были мужики на той, давно забытой ею Руси, в те времена, когда...

Женщина чуть мотнула головой, прогоняя плохие воспоминания, и глазами нашла икону в углу избы. Губы ее зашевелились в беззвучной молитве. День ото дня, месяц за месяцем, годами напролет Ева молилась лику, запечатленному каким-то из местных мастеров на холсте. Но слова Евы адресовались отнюдь не сыну Господнему. Смерть Иешуа она не видела, и даже не слышала о том, что он был казнен где-то в Иерусалиме. Зато знала самого Господа.

Закончив молитву, женщина с тяжелым вздохом наклонилась за корзинкой и поставила ее на стол. Расстелив газету, которую ей в прошлый раз привез Павел Ливонич, Ева принялась выкладывать травы. В них она толк знала, на всей земле не нашлось бы человека, чей опыт в настояях мог хотя бы сравниться с десятой долей ее знаний. Господь всемогущ, создания его важны и каждое имеет свое, особенное значение. Главное — понять, в чем оно заключается. Все болезни и недуги людей могут быть сняты правильно подобранной травкой. Почти все...

За заботами и делами незаметно пришел вечер. Легионер давно слез с крыши будки, покинув ту вместе с солнцем. Сейчас его белая морда торчала из конуры, и розовый язык пса колыхался в такт его тяжелому дыханию. Надо бы водички ему долить, летом зверь пил много.

Волкодав вдруг заворчал, залаял. Застучала цепь, разматывающаяся от броска Легионера. Чужие? Ева быстро схватила со стены ружье, загнала патрон в патронник и взвела курок. Дурных людей стало больше, чем раньше. Сейчас необходимо уметь защищать себя самой. Нет больше добрых князей, вождей и царей, нынче все сами за себя.

— Ну-ну-ну! Чего разошелся, монстро? — послышался задорный голос с улицы. Ева прижалась к стене и осторожно, краем глаза, выглянула в окно. У калитки стоял высокий молодой парень. Ружье улыбающегося незнакомца мирно висело на плече, и женщина чуть перевела дух, но оружия не опустила. Легионер захлебывался от ярости, бросался на гостя, но каждый раз повисал на цепи и хрипло лаял.

— Есть кто живой?! — Ева отметила, что парень отлично сложен и красив как черт. Будь ей лет двадцать да не повидай она всего того, что ей довелось пережить, — сердце бы не устояло.

Отворив дверь, она вскинула ружье и навела его на гостя.

— Чего надо?

— Добрый, так сказать, вечер, — изумленно поднял руки тот. — Как до деревни добраться? Заблудился я!

— До Славинки туда пять километров, — одним взглядом указала она.

Парень неуверенно улыбнулся:

— Спасибо... Теперь можно идти?

Ева внимательно разглядывала незнакомца. В охотнике не было ничего подозрительного, ничего... знакомого. Женщина медленно опустила ружье, и в следующий миг что-то ужалило ее в шею. Руки и ноги Евы моментально онемели, и она мешком повалилась на крыльцо. Уже в падении она увидела, как изменившийся лицом парень сорвал с плеча ружье и разрядил оба его ствола в беснующегося Легионера. Предсмертного визга верного пса она уже не слышала...

Ей снился Господь. Он о чем-то говорил с Адамом, и лицо его было холодно. В ее сторону Отец даже не смотрел...

— Очнулась, — вырвал ее из забытья голос. Ева еле разлепила глаза и с ненавистью глянула на красавчика. Тот подмигнул женщине и несильно подергал за ремни, притянувшие ее к стулу.

— Леша, прогуляйся, пожалуйста, — раздался за спиной приятный баритон. — Погляди, чтоб гостей неожиданных не прибыло, постреляй, если сунутся, для остротки.

— Хорошо, Степаныч, — красавчик сложил губы бантиком и послал Еве воздушный поцелуй. Дерзость она простила, но ярость все равно унять не смогла. Что им сделал Легионер?! Что за люди оказались в столь тихом краю? Ремни держали крепко, и Еве осталось лишь бессильно изучать царапину на желтой скатерти стола. Откуда только взялась?

Убийца волкодава хлопнул дверью, простучал сапогами по доскам крыльца и с присвистом направился к калитке. Обладатель баритона все это время молчал.

— В прошлый раз ты выпустила мне мозги, солнышко, — наконец проговорил таинственный незнакомец. — Мне пришлось подстраховаться, на случай если ты не оставила своих намерений.

Ева обреченно опустила голову. Ее не страшили слухи о сбежавших из мест заключения преступниках, не пугали рассказы про одуревших от таежной свободы молодых шакалов, убивающих и насилующих просто для развлечения. Все телесные злоключения меркли перед тем, кто опять ее нашел.

Адам прошел мимо нее, положил карабин на стол и сел на лавку напротив Евы. Лет сорок ему, не больше, крепкий, плечистый на этот раз. Лицо гостя покраснело от гипертонии, а на лбу застыли бисеринки пота. На висках седина. Сейчас многие стареют раньше положенного срока.

— Далеко забралась на этот раз. Думала, что не найду? — он вытащил из кармана черного охотничьего жилета платок и отер им лицо. — Зря. Когда оно созревает, я и Дьявола могу достать.

Адам шумно выдохнул, оглядел небогатое помещение и полез в другой карман:

— Душно у тебя.

Сердце Евы замерло, когда на столе оказалось зеленое яблоко.

— Забирай по-хорошему, солнышко, — неожиданно мягко попросил Адам. Он облокотился на стол и улыбнулся. — Глаза у тебя все те же, а вот с внешностью в этот раз не очень. Тебе сколько сейчас? Тридцать есть?

— Тридцать восемь, — глухо ответила она, не сводя глаз с яблока.

— Свежий воздух творит чудеса, — с восхищением покачал головой он.

— Я не возьму его, — твердо произнесла Ева. Адам хмыкнул и почесал подбородок. За окном залился трелью

соловей, и гость с видимым удовольствием прислушался к пению лесной птицы.

— Хорошо тут у тебя, тихо, — наконец проговорил он. — Я бы тоже здесь с радостью поселился. Жил бы себе да жил. Корову бы завел.

Лицо Адама приняло мечтательное выражение:

— Птиц бы прикармливал, собаку бы завел типа твоей. Или двух! Кстати, извини за пса — Леша парень молодой, горячий и злой, к сожалению.

— Я не возьму ЭТО! — громче повторила Ева.

Адам поморщился, и глаза его потемнели:

— Позволь, я тебе кое-что объясню, солнышко.

В его голосе появилось раздражение.

— Я не хочу говорить о совести, о долге и о прочих вещах, тебе, видимо, не знакомых. Это яблоко вручила мне ты, и я ни на минуту об этом не забываю.

Адам подался вперед:

— Но в итоге согрешили МЫ, Ева! Мы — это ты и я! Оба, понимаешь? Не отводи глаза!

Она смотрела в окно, на ели у забора, и думала. Тогда давно, на пороге Рая, Отец вручил им проклятое яблоко. Его взял Адам. Взял, зная, что отныне ему придется из жизни в жизнь нести своим потомкам мор. Взял, зная, кому он обязан изгнанием. Что им двигало?

Любовь?

— Люди как горная лавина, — Адам откинулся назад и заложил руки за голову. — Только ось времени считается не с подножья, а с вершины. Чем дальше — тем их больше, и рано или поздно гора закончится и наступит конец света. Если я не буду... Нет!

Он посмотрел на нее:

— Если ТЫ не будешь выполнять завет Отца — конец света наступит куда раньше.

— Я. Не. Возьму. Это! — процедила Ева. — Не надо было соглашаться, раз не способен дойти до конца!

Адам вздрогнул, будто от удара, в его глазах появилась обида.

— То есть я еще и виноват оказался?

— Ты сам вызвался! Отцу надо было решать, а не тебе!

— Но Отец решил! Сейчас решил!

Я ведь не первый раз к тебе прихожу, чтобы донести его волю. Твоя очередь хранить ЭТО! — закричал Адам.

— Он мне ничего не говорил.

— Отец не станет с тобой разговаривать после того, что ты сделала!

Он осекся.

— Бог велит прощать, — ядовито улыбнулась Ева. — Сейчас это зовется двойными стандартами.

Тишину разорвал далекий выстрел, и Адам вздрогнул:

— Леша, наверное... Странное дело происходит с нашими детьми. С каждым годом они становятся злее, мелочнее. Все эти войны, революции. От силы десятая часть на моей совести, не больше, — он словно очнулся от транса и добавил:

— Возьми яблоко, пожалуйста!

— Помнишь, что ты мне сказал тогда, в Пскове? — вдруг спросила она. — Когда пришел в мой дом, пока муж собирал обоз в Новгород? В тот самый день, когда вы с Отцом выпустили на волю очередную чуму?

Адам не ответил, и она продолжила:

— Ты сказал «попробуй и ты»! И я попробовала! Поэтому иди к черту!

— Ничего ты не попробовала! Яблоко тогда съел я, ты всего лишь оказалась первой, кому я передал его болезнь!

— Мне все равно хватило! Убирайся! — Еву передернуло от воспоминаний. Та смерть была мучительной, долгой и очень обидной.

Он не пошевелился, его удивленный взгляд застыл на яблоке. Зеленое прежде, с темным пятнышком на боку, оно стало медленно краснеть.

— Время пришло... На этот раз я опоздал, — в глазах Адама появилась тоска. — Скоро нальется. Никогда не знаешь, что оно в себе несет, пока не надкусишь. Бывает, сразу чувствуешь себя больным, а единственным желанием останется передать заразу кому-нибудь еще. А может быть, увидишь женщину, которую надо соблазнить, которая должна стать матерью для будущего деспота, и полюбишь ее. Будешь искренне любить, но твоими мечтами уже станет воля яблока. Оно меняет людей.

Он замолчал, заворожено наблюдая за тем, как наливается соком смертельный фрукт. Ева тоже не могла отвести глаз от краснеющего яблока. Оно может подарить любовь?

Окончательно стемнело, за окном зазвенели сверчки, а в доме у озера, друг напротив друга, застыли два изгнанных из Рая человека.

— Съешь его. Ты ведь никогда не пробовала, — вновь предложил Адам. — Вдруг тебе даже понравится?

— Пошел к черту! — устало повторила Ева.

— Я заставлю тебя съесть его, дура, — неожиданно разъярился он, резко встал на ноги, схватил карабин со стола и одним прыжком оказался возле связанной женщины. — Открывай рот!

Раздался оглушительный выстрел, зазвенело разбитое стекло.

— Руки поднял и отошел! — рявкнул знакомый женщине голос. В оконном проеме застыла фигура Павла Ливонича с «сайгой» наизготовку.

Адам улыбнулся и посмотрел на Еву:

— Я вернусь, солнышко. Ты возьмешь его рано или поздно! — он вскинул карабин, но пожилой егерь успел раньше. Выстрел отбросил Адама к стене, с грохотом обрушилась полка с книгами, грохнуло о пол оружие. В окне перезарядил «сайгу» Ливонич. Егерь осторожно обошел дом и поднялся по крыльцу.

— Лепесинов привез... — буркнул он, разрезая охотничьим ножом ремни, — а по дороге меня один из охотничков напугать вздумал. Пальбу открыл. Я его успокоил и сюда. Вовремя, вижу.

Женщина молчала.

— Эй, Игоревна? — потряс ее егерь — Перепугалась? Вот ироды, да? Я в деревню сейчас. Надо участкового вызвать. Лихое дело — два трупа. Ты б со мною сходила, а? Чего тебе тут среди покойников делать? Ох, разбираться долго будут, тут же комиссия с Новосибирска приехала. Как бы разрешение не отобрали. Как же я так — без разрешения да в лесу, да?

Ева не сводила глаз с трупа Адама и медленно терла занемевшие от ремней кисти. Ливонич с кряхтением вышел на крыльцо, бурча себе под нос что-то о судьбе Legionера, дошел до убитого волкодава и присел рядом с окровавленным псом на корточках.

Женщина перевела взгляд на стол, на яблоко. Оно уже созрело, а значит в следующей жизни вновь будет у Адама. Пока Ева по своей воле не возьмет зеленый плод в руки — бояться нечего. Сейчас это всего лишь сосуд. Внизу ее живота разливалось странное, щекочущее чувство. Слова Адама все-таки растревожили сердце, зацепили любопытство. Она ведь ничем не рискует! Чего ей стоит попробовать? Один разок! Если там чума — то ей не привыкать умирать, но вдруг там окажется любовь?

На ощупь яблоко показалось ей теплым. Один разок. Просто поднести к губам, надкусить... Вдруг любовь?

А вдруг чума?

— Ну как ты, Игоревна? — в дом вернулся Павел Ливонич и с порога всплеснул руками. — Совсем обалдела из-за этих иродов, да? У тебя ж аллергия!

Егерь ловко выхватил из ее руки плод, не глядя, отер его о рукав куртки и жадно впился в сочную мякоть зубами.

На глаза Евы навернулись слезы досады.

Альберт Шатров

Дорога на Марс

Сильвестр вышел из кабинета врача раздосадованный. Опять — в который уже раз — он получил отказ. Он так надеялся, верил, честно в течение всего срока с прошлой медкомиссии придерживался предписаний, которые дали ему доктора, — а ему так просто взяли и отказали.

Неужели он так никогда и не побывает на Марсе? Сильвестр почувствовал, как внутри у него пробуждается злость. Чувство, давно ставшее для него родным и обостряющееся каждый раз после очередной неудачно пройденной медкомиссии. Он огляделся по сторонам. В коридоре клиники, кроме него, никого не было.

— Черт подери! — выругался Сильвестр и со всей дури ударил кулаком по стене.

Электронная система безопасности клиники отреагировала незамедлительно.

— Пожалуйста, успокойтесь, — потребовал металлический голос. — Вы в общественном месте и не можете себя так вести. Возможно, вам следует посетить психотерапевта. Адреса ближайших приемных пунктов вы можете получить в справочном окне регистратуры.

— Да чтоб вам всем провалиться, — рявкнул в ответ Сильвестр и ринулся на выход, сопровождаемый пристальным вниманием электронных детекторов.

Свежий весенний ветерок коснулся лица, когда Сильвестр вышел на улицу, и на душе стало легче. В конце концов, он с самого начала знал, что результат будет отрицательным. Он был таковым на протяжении ста сорока восьми лет



Шатров Альберт Рашитович

Родился в Москве в 1972 г. Образование: политология. Занимался политическими технологиями и журналистикой. Публиковался в общероссийских и региональных СМИ. Работал редактором различных изданий и интернет-проектов. Член Союза журналистов РФ. В настоящее время — руководитель небольшой рекламно-полиграфической компании. Начинающий писатель-фантаст, имеет около 10 публикаций в бумажных изданиях.

его жизни и, скорее всего, останется таким до самой его смерти, сколько бы он не прожил — пусть даже те тысячу лет, которые гарантировала современная медицина.

Послушный флаер ждал его возле крыльца. Скомандовав автопилоту быть где-нибудь поблизости, Сильвестр побрел домой пешком: прогулка на свежем воздухе была очень кстати. Надо было развеяться, придти в себя, собраться с мыслями, да и просто размяться.

Порт убытия на Марс — один из десятков тысяч, разбросанных по всей Земле, — находился примерно на пол-

пути от клиники до дома. Поравнявшись с ним, Сильвестр остановился неподалеку и завистливо посмотрел на тех, кто заходил в здание вокзала и выходил из него. Счастливые, подумал он... Все они бывали на Марсе, и наверняка не один раз. А может быть, и не два, и не три, и даже не сто...

Марс, освоенный и благоустроенный, давно уже стал вторым общим домом землян — и все благодаря доступным нуль-переходным технологиям. На всей Земле и в самом деле не было ни одного человека, который не побывал хотя бы один раз на Красной планете — против статистики не поспоришь. Но в любом правиле есть исключения. И этим исключением был Сильвестр.

Причины, по которым Сильвестр не был на Марсе, зависели одновременно и от него, и не от него. Еще в младенчестве родители решили взять его с собой в очередное путешествие на четвертую от Солнца планету. В кабину нуль-перехода они загрузились втроем, только вот прибыли по месту назначения лишь двое — отец и мать. Малыш почему-то остался на Земле.

Родители сразу забили тревогу: таких сбоев в работе сверхнадежной нуль-транспортной системы еще никогда не происходило. Случай невиданный. Но, как показала специальная проверка, проведенная по горячим следам, никакого сбоя не было. Проблема крылась в чем-то другом. Вот тогда-то и взялись за Сильвестра.

Младенца осматривали лучшие специалисты планеты: медики, биологи, биохимики и биофизики. Изучали каждую клеточку. Потом заглянули еще глубже. Причину нашли, лишь когда добрались до квантового уровня жизнеобеспечения. В общем, было там какое-то расхождение

между витальной и информационно-энергетической составляющей чуть ли не на суперструнном уровне. Почему, как и зачем — никто так объяснить и не смог, данный феномен занесли во все справочники и энциклопедии, а вот дорога через нуль-пространственные переходы была закрыта для Сильвестра раз и, судя по всему, навсегда. И хотя врачи и давали ему каждый раз какие-то советы, все их усилия ни к чему не приводили.

И на самом деле все бы и ничего, если бы только Сильвестр не увлекся в раннем детстве марсианской романтикой, которой в то время, да и по сей день было увлечено все человечество.

Сильвестр знал о Марсе все. Добавив «или почти все» было бы абсолютно неуместным. Он прочел все книги о Красной планете. Вел астрономические наблюдения. Ему регулярно привозили с Марса образцы пород, всевозможные сувениры, снимки и карты марсианских ландшафтов — все, что бы он ни попросил и что только можно было доставить на Землю. Сильвестр был влюблен в Марс, он им бредил. Марс заменил ему женщин и друзей. Он ложился с Марсом и с ним вставал. Но больше всего Сильвестр хотел оказаться на Марсе сам.

Теоретически Сильвестр мог бы совершить вояж на Марс на космическом корабле. Но вот незадача: космическая индустрия лет триста как не занималась кораблестроением. Нуль-переходные технологии полностью обеспечивали пассажирские и грузовые перевозки. И даже искусственные спутники планет и те выводили на орбиту, просто «пуляя» через пространственные червоточины.

В общем, шансов у Сильвестра не было никаких.

— А может, и вправду посетить психотерапевта? Пусть он избавит меня от этого неизбежного желания побывать на Марсе, — свежая мысль пронеслась в голове у Сильвестра, а освежающее дуновение ветерка могло закрепить ее в виде приятного ощущения.

Он вызвал флаер и, сев в кабину, запросил адрес ближайшего психотерапевтического кабинета. Летательный аппарат сорвался с места и устремился ввысь.

* * *

— Итак, ваше навязчивое состояние — это желание побывать на Марсе, и вы хотите от него избавиться, — резюмировал доктор, когда Сильвестр закончил свой рассказ.

— Именно так, если эта задача для вас решаема.

— Думаю, нам хватит одного сеанса, — со знанием дела произнес доктор.

— Неужели? Я столько лет вынашивал эту мечту — а вы избавите меня от нее за один раз?

— В состоянии транса с психикой человека можно творить чудеса. Поверьте моему большому опыту. Итак, если вы готовы, то приступим, — доктор встал из-за стола и, подойдя к пациенту, положил руку ему на плечо.

— Я готов, — Сильвестр сделал глубокий вздох и расслабился, отдавая себя во власть психотерапевта.

— Выполняйте мои команды. Сейчас поднимите руки перед собой, ладони напротив друг друга. Представьте, что между ними — магнитная подушка. Поиграйте с ней.

Сильвестр сделал все, как было велено. Игра с «магнитной подушкой» увлекла его, комната словно растворилась и исчезла, остались только руки, играющие с невидимой полевой структурой, голос психотерапевта как будто звучал у него в голове.

— А сейчас соберите между своими руками все образы, связанные с вашей мечтой. Если надо, то уменьшите их до нужных размеров, чтобы они все там поместились.

Череда образов поплыла из глаз Сильвестра в сторону его рук, заливая в вязкой магнитной субстанции: Марс, книги, телескопы, всевозможные сувениры — казалось, этой веренице не будет конца...

— Если вы уже готовы, то начните стирать сложившуюся мозаику своим внутренним ластиком.

Но Сильвестр не был пока готов. Последним его сознание выплеснуло кусок марсианской породы размером где-то с кулак. Он занял положение между рук, затмив собой собранное там месиво из образов, но почему-то не захотел принять нужный размер и вообще был каким-то неуправляемым.

— Боже мой, что это? — услышал Сильвестр сильно приглушенный шепот психотерапевта, в котором угадывались испуг и удивление одновременно. — Пациент, я прошу вас на раз-два-три вернуться в реальность. Раз, два, три...

Подчиняясь просьбе доктора, Сильвестр вышел из транса. Еще несколько секунд он приходил в себя, пока сознание не прояснилось полностью. Он посмотрел на свои руки и... обомлел.

У него между руками что-то висело. И этим «чем-то» был тот самый образец породы, который только что был объектом его воображения.

От неожиданности Сильвестр отдернул руки, и камень с грохотом упал на пол. Сильвестр поднял глаза на доктора, тот стоял с открытым ртом и наблюдал за происходящим. Их взгляды сошлись, в комнате повисло минутное молчание.

— И что это было? — рапорт между ними был настолько глубоким, что они

задали вопрос одновременно. И оба тут же пожалы плечами.

— Похоже, что образ, возникший у вас в голове, материализовался, — первым вышел из оцепенения доктор.

— Но этого не может быть.

— Как видите, может. Кстати, этот предмет вам знаком? — в докторе пропнулся дух исследователя.

Сильвестр внимательно оглядел лежащий на полу камень.

— Знаком. Это точная копия образца марсианской породы из моей коллекции.

— Очень интересно, — задумчиво произнес доктор. — Мы немедленно летим к вам домой.

* * *

Как только они добрались до дома, то сразу бросились к стеллажу, где хранилась коллекция марсианских камней. И второй раз за день обомлели. Нужного образца на месте не оказалось.

— Так что же получается — это была не копия образца, а сам камень? — спросил Сильвестр, все еще с трудом веря в произошедшее.

— Получается так. Телекинез и нуль-переход в одном флаконе. Похоже, ваш феномен куда многограннее, чем думали раньше. Дайте-ка, я соберусь с мыслями, — доктор принялся растирать виски.

Полчаса Сильвестр ерзал на стуле, ожидая, когда же доктор даст хоть какое-то объяснение случившемуся. Наконец тот созрел и, приняв позу оратора, начал говорить:

— Итак, моя гипотеза такова. Человек, как мы знаем, продолжает эволюционировать на уровне сознания. Существует предположение, что этот процесс будет идти как мини-мум в два этапа. Сначала человек обзаведется такими способностями, как ясновидение, телепатия, и сможет с помощью

сознания заглядывать в самые отдаленные уголки Вселенной. Зачатки этих способностей мы встречаем на всем протяжении истории, надеюсь, привести примеры будет лишним...

— Продолжайте.

— Затем у человека разовьется способность творить с помощью мысли, причем в космических масштабах: терраформирование планет, изменение орбит астероидов и все такое прочее. К зачаткам таких способностей относится тот же телекинез. Теория на грани фантастики, но, согласитесь, она имеет право на существование.

Сильвестр несколько раз кивнул. Лучшего объяснения он предложить не мог.

— Ваш феномен из той же оперы. Вы не просто владеете способностью передвигать предметы на расстоянии, но и можете перемещать их через подпространство. Конечно, не без побочных эффектов — вы сами лишены возможности совершить нуль-переход. Но то, чем вы обладаете, мне кажется, того стоит.

— Но вы уверены, что это явление устойчиво? — спросил Сильвестр.

— А мы сейчас это проверим.

Уже через минуту в руках у Сильвестра был еще один образец породы, добытый из закрытого шкафа. И на этом эксперименты не закончились.

Волшебный магнит притянул еще кучу предметов, о которых Сильвестр знал, что они есть и где они находятся — это было важной деталью, выявленной в ходе опытов. Еще через час выяснилось, что совсем не обязательно входить в транс и концентрировать внимание на невидимой субстанции и что предметы можно не только притягивать к себе, но и возвращать на место. Затем Сильвестру удалось силой мысли проветрить комнату — притом что окна и двери были закрыты. Потом

он уловчился взобраться на удерживаемый в воздухе стол, помог залезть на него доктору — и они немного полетали по комнате. А в завершение, когда они устали и им захотелось перекусить, Сильвестр с огромным удовольствием накрыл стол снедью прямо из закрытого холодильника — конечно, теми продуктами, о которых помнил.

Когда они закончили трапезничать, Сильвестр, до этого даже немного повеселевший, вдруг снова погрузился и спросил:

— А с Марсом-то что делать, доктор? С мечтой-то моей как мне быть?

Доктор задумчиво посмотрел на Сильвестра, почесал затылок и вдруг оживился.

— А разве вы еще не поняли, что эти необычные способности — это ваш билет на Марс?

— Что вы этим хотите сказать?

— Вы только представьте себе, как вы подвешиваете в воздух одну ступеньку, потом другую и по ним поднимаетесь в небо. Вы выходите в открытый космос...

— В открытый космос? Вы смеетесь? Там холодно и нечем дышать, а потом — невесомость, излучения... Я же погибну!

— Какие проблемы? С помощью силы мысли вы обеспечиваете себе приток воздуха, тепла, создаете точку опоры, магнитный щит против солнечного ветра. Строите перед собой участок дороги, а пройдя по нему — удаляете, чтобы не засорять космическое пространство. И вперед, на Марс!

— Пешком на Марс? Но ведь это примерно пятьдесят шесть миллионов километров.

В воображении Сильвестра творилось черт-те что. Он с большим трудом переваривал услышанное. Тогда доктор попытался прийти на помощь:

— Вот смотрите. Если вы будете передвигаться более-менее быстро, например, со скоростью восемь километров в час... — доктор что-то прикидывал в уме... — Да неважно, позже сосчитаете, сколько это займет времени. Ведь вам всего сто сорок восемь, насколько я помню, а с учетом среднего возраста жизни человека в тысячу лет еще, вы и пожить там успеете, и посетить еще и другие поселения людей в Солнечной системе!

— Да, но ведь мне надо будет как-то питаться, брать где-то материалы для строительства дороги. Положим, воздух представить мне будет не сложно, его много и он везде. А все остальное?

Идея путешествия на Марс пешком все еще не укладывалась в голове Сильвестра. А вот фантазия доктора включилась на полную катушку:

— Опять же все решаемо. Вы сможете в любое время воспользоваться стереовизиром, на который будут транслироваться изображения всех заказываемых вами предметов. На Земле они будут всегда доставляться в одно и то же место, о котором вы будете помнить, и всегда сможете проконтролировать его вид по тому же стереовизору. Там же устроят склад материалов, резервуар с чистой водой...

— Но кто займется этим?

— Можете быть уверены — все! Вас поддержит все человечество! Это будет самый невиданный аттракцион. Можно будет запустить целое интерактивное шоу. Вы станете самой настоящей звездой воистину космического масштаба! — указательный палец доктора взметнулся к небу.

Доктора понесло. Сильвестр смотрел ему в рот, не отрываясь, словно загнипнотизированный — и постепенно понимал, что он действительно

находится в каком-нибудь миллиарде шагов от своей мечты...

* * *

Свой путь Сильвестр начал, конечно же, не прямо с земли. С помощью воздушного шара, на котором крупными буквами было написано «Мечты сбываются», он поднялся на максимальную высоту, и уже оттуда, из стратосферы, начал возведение первых ступенек своей небесной лестницы. В качестве самого первого ее пролета он «повесил» в воздухе длинный железный трап с перилами, схватился за них и, торжественно попрощавшись с родной планетой и еще более патетично произнеся «Ну, пошли!», сделал свой первый шаг в неведомое. За ним другой, третий...

...Выйдя из земной сферы притяжения, Сильвестр начал экспериментировать с «дорожным строительством». Все шло по плану. Дорога возникала перед ним прямо из вакуума, и в нем же растворялась у него за спиной. Покрытие можно было выбирать на любой вкус и цвет, будь то земля, песок, асфальт, бетон, гравий, брусчатка. Воздух, он тоже менял по настроению: хочешь — морской, хочешь — лесной, хочешь — горный, прохладный, теплый, с добавлением любых ароматов. Захотел с ветерком — пожалуйста, с ветерком. Дождик? На тебе дождик.

Однако Сильвестр оказался еще предусмотрительней. На Земле он собрал целый парк из средств передвижения, правда, из тех, что попроще. И теперь устраивал тестовые заезды. Скейтборд, роликовые коньки, самокат, велосипед — во всем ему сопутствовала удача. Теперь он подумывал о зимних коньках, о лыжах и даже о верховой езде на лошади — почему бы и нет. Почему бы не устроить на этом острове материи среди

бескрайних просторов космической пустоты заплыв на байдарке? А еще лучше развалиться на надувном матрасе, заказать вкусный коктейль и позагорать под открытым солнцем. Ведь путь на Марс может быть и водным.

Раз в месяц состояние здоровья Сильвестра проверяли лучшие земные специалисты, которых он телепортировал туда и обратно вместе со всем необходимым оборудованием. А еще за жизнью «межпланетного пешехода» в его космической обители наблюдали стереокамеры. Двадцать четыре часа в сутки на всех населенных телах Солнечной системы транслировалось это необычное шоу. На досуге Сильвестр выступал с лекциями о Марсе, пропагандировал здоровый образ жизни и рекламировал всякие товары, чаще полезные, но иногда и бестолковые. Лучшие производители поставляли ему все необходимое, в лучших ресторанах Солнечной системы ему готовили еду. Самые привлекательные женщины Земли мучились теперь, что не были знакомы с ним раньше, а лучшие из обитательниц Марса мечтали пригласить его к себе в гости по прибытии.

А однажды на связь с Сильвестром вышла одна симпатичная особа. Она предпочла не раскрывать своего имени, но уж больно похожа была на титулованную «Мисс Вселенную» этого года. Она спросила:

— Не будете ли вы против, если иногда, — это слово она произнесла с какой-то особенной интонацией, — я буду скрашивать ваше одиночество в пути?

Сильвестр был мужчиной свободным, а потому противиться судьбе не стал. Стоит ли отказываться от дополнительных бонусов?